

НУАР ОСТРЫЙ КАК БРИТВА,
НЕЧТО СОВЕРШЕННО ИЗ РЯДА ВОН.
ЛИ ЧАЙЛД

Д Ж О З Е Ф

НОКС

СИРЕНЬ

ВПЕРВЫЕ НА РУССКОМ!

18+

АЗБУКА

Джозеф Нокс

Сирены

Серия «Звезды мирового детектива»

Серия «Эйдан Уэйтс», книга 1

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63422817

Сирены: Азбука, Азбука-Антиквус; Санкт-Петербург; 2020

ISBN 978-5-389-18791-7

Аннотация

Впервые на русском – «лучший британский дебют в жанре детектива за долгие годы» (Crimescene Magazine), «нуар острый как бритва, нечто совершенно из ряда вон» (Ли Чайлд).

Детектив-констебль Эйдан Уэйтс попался на краже кокаина из сейфа с вещественными доказательствами; теперь Эйдану грозит увольнение из полиции, а то и под суд могут отдать. Отличное прикрытие для того, чтобы внедриться в опутавшую весь Манчестер наркоторговую сеть, известную под названием Франшиза, и выявить в рядах полиции «крота», благодаря которому Франшиза и ее глава Зейн Карвер вот уже десять лет остаются безнаказанными. А заодно – без шума, неофициально – попытаться вернуть домой Изабель, месяц как пропавшую дочь министра юстиции Дэвида Росситера: говорят, ее видели в Фэйрвью, викторианском особняке Карвера. Эйдан находит

Изабель – и понимает, что девушка чего-то смертельно боится.
Сможет ли он ее спасти, если он и сам-то спастись не в силах?

Содержание

I	9
1	9
2	12
3	15
4	17
5	31
6	36
7	45
8	51
9	55
10	58
11	62
12	64
13	71
14	82
15	86
16	91
17	93
18	102
19	104
20	108
21	110
II	111

1	111
2	119
Конец ознакомительного фрагмента.	121

Джозеф Нокс

Сирены

Джоанне

*Прошлое стало частью будущего, а настоящее
вышло из-под контроля.*

Joy Division. «Сердце и душа»¹

Joseph Knox

SIRENS

Copyright © 2017 by Joseph Knox

All rights reserved

© Е. В. Матвеева, перевод, 2020

© Издание на русском языке. ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2020

Издательство АЗБУКА®

* * *

Потом я снова стал дежурить по ночам. При свете дня мне веры больше не было. Я выезжал на вызовы в четыре утра, ходил вверх-вниз по замершим эскалаторам и старался не думать. Когда-то у меня это хорошо получалось. Спустя несколько месяцев я ошеломленно заметил, что дыхание

вырывается изо рта облачками пара. Вернулся ноябрь.

– Погода дрянь, – буркнул Сатти, отказываясь вылезать из машины.

С неба сыпало то градом, то слякотной моросью. Сегодня хлынул ливень. Струи сверкали в ночных огнях, смывали грязь с тротуаров. Очень кстати. Напарник протянул мне газету, и я вышел под дождь, держа ее над головой вместо зонта.

Мы приехали на вызов управляющего благотворительным секонд-хендом. Управляющий говорил, а я смотрел, как двигаются его губы. Он хотел, чтобы я отогнал от входа бомжей, прятавшихся от дождя. Какой в этом смысл, было не очень понятно, но я и не вникал. Из ноздрей управляющего торчала густая черная поросль, будто он решил отпустить гитлеровские усики. Я посмотрел на парочку, спящую под дверью, сказал управляющему, что он отнимает время у полиции, и под дождем вернулся к машине.

Там я первым делом вручил Сатти мокрую газету – за то, что не пошел со мной. Он одарил меня тем еще взглядом, а затем уставился на сложенную, насквозь промокшую страницу.

– Видел? – Он сунул газету мне под нос. – Врагу такой смерти не пожелаешь.

Фотографию размыло дождем, текст тоже, но девушку я узнал: одна из трех, с которыми я свел краткое знакомство в прошлом году. В заголовке говорилось, что погибшей было

двадцать три года. Мы с ней встретились, когда ей было двадцать два. Я взглянул в окно, на очередной ноябрь. Она была последней. Сатти склонился над газетой, громыхнул замогильным кашлем и потребовал:

– Ну, выкладывай. Что на самом деле произошло?

Я пристально посмотрел на него:

– Не того спрашиваешь.

Я знал лишь то, с чего все началось год назад. Три моих прокола. Все те причины, которые не позволили мне отказать. Я не мог объяснить, как эти девушки, эти женщины мимолетно вошли в мою жизнь. Мимолетно ее изменили. Сатти не понял бы, над чем они смеялись, чему возмущались, что скрывали. Остаток ночного дежурства я смотрел на прохожих, на женщин, на девушек, воображая, что вижу непрожитые жизни.

До дома я добрался под утро, налил себе выпить и сел. Переключал радиостанции, пока не понял, что дальше тянуть некуда. Снова прочел заметку в газете и впервые за много месяцев позволил себе задуматься по-настоящему.

«Ты меня убил», – сказала она тогда.

Что же на самом деле произошло?

I

Неизвестные удовольствия²

1

Какая-то парочка перешла на другую сторону дороги, подалее от меня; в чем-то кармане звякнула мелочь.

Улица, которую видишь каждый день, выглядит незнакомой, если смотреть на нее, уткнувшись носом в тротуар. С минуту я соображал, где нахожусь. Слякоть подмерзла. Стеллся густой туман, размывал очертания предметов, странным образом преображал все вокруг. Город утратил резкость, очередной пятничный вечер лишился ярких огней.

Левая рука занемела. Я перевернулся на бок и посмотрел на часы. Циферблат разбит. Скорее всего, часы остановились из-за удара при падении. Если прошло всего несколько минут, у меня еще есть время. Можно переодеться в сухое и прийти в бар задолго до передачи товара. Я поднялся, держась за стену. Физиономию перекосило от боли, мозги телепались в черепе, стирали ПИН-коды и имена друзей детства.

Парочка скрылась в тумане. Несмотря на соцсети, каме-

² «Unknown pleasures» (1979) – дебютный студийный альбом группы *Joy Division*.

ры наблюдения и бдительное государство, мы по-прежнему живем в мире, где можно исчезнуть, если захотеть. Или не захотеть. Пресса разнюхала обо всем месяц назад.

Вот уже месяц, как я исчез.

Я ощупал затылок. Били с размаху, сильно. Бумажник остался в кармане. Значит, меня не ограбили, а предупредили. Вокруг не было ни души, но я чувствовал, что за мной наблюдают.

Улица качнулась. Я ухватился за фонарный столб. Потом с закрытыми глазами побрел куда-то, ничуть не опасаясь на что-то наткнуться.

Завернув за угол, я сообразил, что попал на Бэк-Пиккадилли. Закопченные временем кирпичные дома, наружные пожарные лестницы. Здания стеной высились по обе стороны узкого проулка, создавая клаустрофобический проход. Вечерняя морось сияла в лунном свете. Ностальгия подталкивала меня дальше. В конце проулка виднелась круглосуточная кофейня. Я захаживал в нее в той, другой жизни, но уже много лет там не появлялся. Город так изменился, что знакомых я бы точно не встретил.

Я прошел несколько шагов по проулку. За спиной заурчал автомобильный мотор, будто разминаясь, прежде чем ровно зарокотать. Прюлок залило светом, из-под ног скользнула кривая тень.

Она была тоньше, чем помнилось.

Я обернулся на слепящий свет фар. Машина стояла в са-

мом начале проулка, будто проверяя, нет ли тут чего интересного. Я зашагал дальше. Дошел почти до середины, и лучи света дрогнули. Поползли вслед за мной.

Мотор взревел, машина подъехала совсем близко. Судя по звуку, между нами оставалось несколько шагов. Я вдруг понял, что для некоторых никуда не исчезал. Свет фар опалял спину. Не хотелось оборачиваться и смотреть на водителя. Я боялся его узнать.

Я вжался в нишу в стене, пропуская машину. Несколько секунд она оставалась на месте. Щурясь от света, я разглядел черный «БМВ», сверкающий хромом. Ночь заполняла легкие. Кровь пела в венах. Стекло в машине опустилось, но кто внутри, я не разглядел.

– Детектив-констебль Уэйтс? – произнес мужской голос.

– Кто спрашивает?

С пассажирского места послышался женский смех:

– Тут вопросы задаем мы, красавчик. Садись.

Капли дождя стучали по лобовому стеклу, строили мне рожицы. Я обмяк на заднем сиденье. Чувствовал, как истончаются и слабеют вены. То и дело сжимал руку в кулак, больше для развлечения. Мечтал о спидах в кармане куртки.

– Правду, значит, говорят? – спросил водитель, будто читая мои мысли.

На вид ему было около пятидесяти. Всякий раз, поворачивая руль, он поводил широкими плечами, будто штангист, берущий вес. Угольно-серый приталенный пиджак, в тон темной шевелюре. Время от времени водитель поглядывал в зеркало заднего вида, куда-то сквозь меня. У женщины были светло-русые волосы, деловито собранные в хвост.

Я ничего не ответил.

Мне стало зябко в промокшей одежде. Пришлось стиснуть зубы, чтобы не стучали. Единственной вещью, которая не вязалась с новехоньким автомобилем, был полицейский сканер с выключенным звуком. Пахло дорогими духами с ноткой ванили, но какими именно, я не мог вспомнить. Они не подходили ни одному из людей, сидящих впереди. От аромата веяло деньгами, веяло молодостью.

Мы целенаправленно удалялись от того места, где я только что был. От ночной жизни, от ярких огней. Мимо пустых магазинов и местных лавчонок, то ли прогорающих, то

ли прогоревших. Огромные пустующие здания. Умиравший центр города.

– Чего он хочет? – спросил я.

Водитель глянул на меня в зеркало:

– Не спрашивал.

Мы выехали на Динсгейт.

Длинная – больше мили – улица пересекает город из конца в конец. На ней есть все: от ресторанов, в которые пускают только по приглашению, до дешевых столовок и всевозможных вариантов, пролегающих между этими крайностями.

– А где он?

– В Битхэм-Тауэр.

Я невольно чертыхнулся.

– Похоже, ты там бывал, – сказала женщина.

Башня Битхэм-Тауэр, самое высокое здание за пределами столицы. Городские планировщики задумали возвести в городе комплекс высоток. По замыслу градостроителей, каждый следующий небоскреб должен был на несколько метров возвышаться над предыдущим, что создавало бы некое подобие гигантской серо-стальной диаграммы, символа нескончаемого роста. Застройщики надеялись заработать миллионы на продаже крошечных, непомерно дорогих квартир одиноким людям – нашему главному национальному достоянию. Однако архитекторы витали в облаках. Экономика обрушилась, владельцы, инвесторы и строительные компании разорились. Уровень самоубийств среди мужчин вырос, в

остальном жизнь шла своим чередом.

С заброшенных строительных площадок разворовывали металлолом, недостроенные каркасы ветшали, в котлованах скапливалась дождевая вода. Ржавчина коркой запекшейся крови покрывала остовы. Битхэм-Тауэр возводили три года. Все считали, что здание не достроят. Однако, несмотря ни на что, оно высится над городом, будто показывая ему средний палец.

Мы свернули с Динсгейта и въехали в подземный гараж. В окошко заглянул приветливый парковщик, щеголеватый, как Фрэнк Синатра. Он сразу узнал водителя, перестал улыбаться и махнул, чтобы мы проезжали на нижний уровень.

3

В Битхэм-Тауэр разместились отель «Хилтон», роскошные апартаменты, а на самом верху – пентхаусы, построенные по индивидуальным проектам.

Сама высотка узкая и стройная, но четыре нижних этажа гораздо шире основного корпуса. Это и понятно, ведь внизу располагаются бальный зал, бассейн и улыбчивые отпрыски элиты, составляющей два процента населения. Почти все стены вестибюля и бара сделаны из зеркального стекла – посмотрев в окно, увидишь только свое отражение.

Я здесь уже бывал.

В прошлом году. Девушка вылетела сквозь оконное стекло на девятнадцатом этаже и разбилась насмерть. Даша Ружичка, несовершеннолетняя проститутка, уроженка Чехии. Когда ей исполнилось четырнадцать, отец продал ее местному торговцу людьми, и Дашу провезли через всю Европу. В тех регионах девушки очень часто пропадают. Каждое исчезновение объявляют обычным уходом из дома. Исчезновение Даши объяснялось более прозаическими причинами.

Она была красива, но не той чудосочной красотой, которую сейчас насаждают повсюду. Нет, она была воплощением истинной красоты. Проститутка с таким лицом – золотое дно: несмотря на все унижения, она постоянно выглядит чистой и невинной. Главным недостатком моей работы бы-

ло неотступное чувство гнетущего бессилия. Я хорошо знал, что с девушками и женщинами делают все, что угодно. Насилуют, избивают. Выбрасывают в окно. В кого мы превратились, если считаем красоту дурным качеством?

Я был уверен, что Даша не сама выбросилась из окна – у нее попросту не хватило бы сил пробить стекло своим телом. Однако гостиничный номер, в котором это случилось, был пуст. Я несколько часов допрашивал постояльцев и сотрудников гостиницы, имевших доступ на этаж. Когда задержанные толстосумы пожаловались начальству, мне на смену прислали инспектора. Я повел его в пустой номер на девятнадцатом этаже, попытался объяснить ситуацию.

Он не стал меня слушать, и тогда я решительно попятился к двери, неотрывно глядя на окно. На город внизу. Инспектор понял, что я собираюсь сделать, и заорал, приказывая остановиться. Я с разбегу бросился к окну – хотя бы для того, чтобы увидеть выражение лица инспектора, но он успел преградить мне путь, прежде чем я врезался в стекло.

Это был второй из трех проколов, которые в конце концов привели к сенсационным новостям на первых полосах газет. К моему полному позору. К тому, что никакой другой работы мне больше не светило.

Смерть Даши признали самоубийством. Расследование проводить не стали.

С тех пор я в Битхэм-Тауэр не был.

4

– Сержант уголовного розыска Конвей, – представилась женщина, протягивая руку для рукопожатия.

Мы ждали в вестибюле, а ее коллега разговаривал с девушкой-администратором. Вел себя слишком фамильярно для сотрудника Особого отдела. Со стороны огромной вращающейся двери донесся взрыв хохота – в вестибюль вошли какие-то типы в смокингах и принялись танцевать под люстрой размером с солидный легковой автомобиль. Я мечтал, чтобы она на них свалилась.

Конвей кивнула на своего напарника:

– Чего он с тобой так?

Тот как раз отошел от стойки администратора и направился к нам. Конвей тут же напустила на себя безразличный вид.

Лифт бесконечно долго поднимался на этаж с пентхаусами – в ту часть башни, где я прежде не бывал. Напарник Конвей воспользовался магнитной картой, которая давала доступ на этот высший уровень.

Приглушенная мелодия «My Heart Will Go On»³ из «Титаника» постепенно смолкла, потом с новой силой взвыла с самого начала. Кабину лифта, как и все остальное в здании, украшали зеркала и до блеска отполированная сталь.

³ «Мое сердце не перестанет биться» (англ.).

Я рассматривал свои ботинки.

Лифт остановился на сорок пятом этаже. С драматическим свистящим шорохом раздвинулись двери. Механический голос занудливой училки еще продолжал вещать, а меня уже крепко схватили за локоть.

Сержант Конвей осталась у лифта, а мы пошли по длинному коридору, оформленному с изысканным минимализмом. Миновали две квартиры – на этаже их было всего три – и приблизились к строгой черной двери. Мой сопровождающий открыл ее магнитной карточкой и провел меня в холл огромной, совершенно безликой квартиры.

В прессе много писали об этих пентхаусах. Поселиться там могли только суперсостоятельные люди. Сама квартира вряд ли стоила своих денег, но платили не за нее. А за то, чтобы жить на высоте пятьсот футов. Чтобы иметь уникальную возможность смотреть свысока на миллионы людей или, если ты достаточно важная шишка, – чтобы они взирали на тебя снизу вверх.

Сумрачный холл подсвечивали неоновые огни города. Три стены зеркального стекла предоставляли панорамный обзор.

– Садись, – сказал угольно-серый человек.

Я остался стоять.

– Ладно, сейчас он к тебе выйдет. – С этими словами он повернулся и пошел к двери. Отворил ее ровно настолько, чтобы пройти, и тихо, но тщательно закрыл за собой.

Похвальная осмотрительность.

Я сразу же подошел к двери и посмотрел в глазок. Коридор был пуст. Я даже подумал, что мой сопровождающий присел под дверью, но это было бы слишком нелепо.

– Мы одни, Уэйтс.

Я повернулся на голос. Темный силуэт говорившего выделялся на фоне подсвеченного неоновыми огнями неба.

– Фингал откуда? – спросил он с безупречным оксбриджским акцентом.

Я потрогал глаз:

– Я в нужное время попал в нужное место.

– А я уж подумал, что детектив Керник так выражает свою неприязнь.

– Похоже, он расстроился, что его опередили.

– Да, мне тоже так показалось. – Мой собеседник шагнул на свет и улыбнулся. – Позвольте представиться. Дэвид Росситер, член парламента.

Я подошел к нему. Высокий, властного вида. Лет сорока пяти. Одет в строгий классический костюм. Излучает радушие грамотного политика. Он пожал мне руку обеими руками с уверенностью человека, который зарабатывает на жизнь общением с людьми. Ладони его были теплыми, но обручальное кольцо холодило кожу.

– Садитесь, – предложил он.

Я сел, он, чуть помедлив, – тоже.

– Интересно.

– Что, мистер Росситер?

– Я предложил вам левое кресло, а вы сели в правое. Зовите меня Дэвид.

Я улыбнулся и ощутил тупую боль в глазах.

– Вы, наверное, недоумеваете, зачем я пригласил вас, Эйдан...

– Уэйтс, – поправил я. – Вряд ли для того, чтобы поболтать о жизни.

– Что ж, пусть будет Уэйтс. Вы интересуетесь политикой?

– Только из крайней необходимости.

Он снова улыбнулся. Каждый раз, улыбаясь, он смотрел прямо на меня, давая понять, что я как-то по-особенному его удивляю. На фотографиях в газетах он так же смотрел на военных преступников.

– В таком случае мое имя вам вряд ли знакомо.

– Дэвид Росситер, член парламента.

– А что вам известно о моей карьере? – поинтересовался он, напирая на последнее слово.

– Только то, что пишут в газетах.

– Вы, как никто, знаете, что не следует верить газетам.

Коррумпированный детектив Эйдан Уэйтс...

Я невозмутимо продолжил:

– Ваш отец был членом парламента и неплохо на этом заработал. Вы же оказались более идеалистичны – ваш брат уже всю жизнь занимался большой политикой, а вы еще промышляли адвокатурой. Женились рано и удачно. Хотя, полагаю,

неудачно жениться на наследнице водочной империи сложновато.

Снова улыбка.

– Вы пришли в политику в непростое время. Тори не были у власти четыре года до вашего прихода и еще четыре – после. И все же вы повысили авторитет старой гвардии. Не ходили по струнке, выступали за однополые браки, боролись за права женщин. Поддерживали иммиграцию. То есть проявляли ровно столько смелости, сколько нужно, чтобы попасть в кабинет правительства. Никто не удивился, когда вас назначили министром юстиции – вы ведь профессиональный юрист. Полагаю, не последнюю роль сыграло то, что вы хороший семьянин и отец двух очаровательных дочерей.

– Вам впору писать мою биографию... – Росситер осекся, заметив, что у меня дрожат руки, встал, подошел к бару в углу комнаты и налил два бокала коньяка.

– Спасибо, – сказал я, когда он протянул мне один.

– А у вас какие политические предпочтения? – спросил он, снова усаживаясь в кресло.

– Неопределенные.

– Колеблетесь?

– Политическая стратегия не решает тех проблем, с которыми сталкиваюсь я.

Росситер пригубил коньяк, посмаковал, проглотил.

– Вы предпочитаете спасать не весь мир, а конкретных людей?

Я кивнул:

– Типа того.

Он поерзал на месте:

– А что, если я расскажу вам об одном таком человеке?

Которого очень нужно спасти?

– Есть много достойных людей, которые лучше меня справятся с этой задачей.

– Как я уже говорил, я не верю газетам.

Я отпил коньяка.

– Я бы сделал все возможное, однако с этим наверняка справится и ваш бравый малый в коридоре. Вероятно, дело не такое уж трудное.

Похоже, ему понравился мой ответ.

– Видите ли, Уэйтс, вы – единственный, кто может мне помочь. Вы знаете, кто такой Зейн Карвер?

Я не ответил.

– Сегодня утром я беседовал с вашим шефом, Паррсом, – продолжал Росситер. – Прекрасный человек.

– А почему я только сейчас об этом слышу?

– Вы неплохо маскируетесь. Детектив Керник несколько часов вас искал.

– Да-да, не привлекая излишнего внимания. В бумере.

– Извините. Сотрудники Особого отдела лучше ориентируются в благополучных кварталах.

– А я – в неблагополучных.

– Поэтому вы и здесь...

– Я не вправе обсуждать Карвера, пока не поговорю с суперинтендантом Паррсом.

Росситер пристально посмотрел на меня, достал из кармана пиджака телефон и протянул мне.

– Лучше вы сами, – сказал я.

Он улыбнулся, отыскал номер в списке контактов и нажал «вызов». По своему обыкновению Паррс ответил сразу же.

– Ваш человек у меня, – сказал Росситер. – Выглядит соответственно. Ведет себя очень убедительно. При исполнении, но от выпивки не отказался. Однако не желает обсуждать дела, пока не переговорит с вами. – Он снова протянул мне телефон.

– Сэр.

– Уэйтс, – глухо рыкнул суперинтендант Паррс и с раскатистым шотландским акцентом продолжил: – Окажите министру всяческое содействие. Поговорим завтра.

Он повесил трубку, и я вернул телефон Росситеру.

– Итак, Зейн Карвер, – напомнил министр.

– Наркодилер.

– Зачем он вам?

– Чтобы выйти на остальных, если повезет.

– Вам велено подобраться к нему поближе?

– По-моему, задание вот-вот изменится.

Росситер промолчал.

– Карвер преуспевает потому, что он такой один. Бизнесмен среди отморожков. Моя задача – сыграть на этом.

– И как же?

– Есть три способа. Если грамотно надавить на него, он может сдать других дилеров. Он не самый влиятельный и не самый умный из них, но может подставить кого-нибудь покрупнее. Или сообщить, кто из полицейских работает на него. И самое интересное: возможно, он просто крышует.

– Кого?

– За ним могут стоять еще человек десять, о которых мы даже не слышали.

– Интересно, ради чего вы на это согласились? В смысле, теперь, когда ваше имя запятнано...

– Мое имя изначально мало что стоило. Итак, зачем я здесь, мистер Росситер?

Он снова сделал глоток, клацнув зубами о край бокала.

– Что вам известно о моей дочери? Младшей, Изабель?

– Хорошенькая, совсем юная. Восемнадцать, девятнадцать?

– Семнадцать, – поправил он. – И связалась с этим типом, Карвером.

– Так она же несовершеннолетняя. Вызовите патрульную машину, пусть привезут ее домой.

– Суперинтендант Паррс предложил то же самое. Боюсь, тут надо действовать тоньше.

В панорамные окна ударили крупные капли. Сначала единичные, они становились все тяжелее, стучали все чаще, и вскоре комнату окутала пелена дождя. Я ждал.

– Такой начитанный человек, как вы, скорее всего, помнит, в связи с чем Изабель в последний раз упоминали в новостях.

– Она упала в обморок, – сказал я. – От переутомления. Росситер не шелохнулся.

– Попытка самоубийства?

Он кивнул.

– Изабель страдает депрессией. В какой-то степени это наследственное, по материнской линии. Попытки самоубийства были и раньше, но такая серьезная – впервые. Много крови, много шума. Разумеется, газетчики пронюхали. Мы скормили им версию переутомления. – Он смотрел куда-то в сторону, видимо заново переживая случившееся. – Я лично встречался с главными редакторами, умолял их.

– Представляю, как это тяжело, – сказал я.

– Правда? – Он посмотрел на меня, переформулировал вопрос: – А знаете, что самое страшное? Страшнее того, что ваша дочь ножом пропорола себе шею?

Я покачал головой.

– Самое страшное – когда дочь возвращается домой из больницы и ненавидит вас за то, что вы спасли ей жизнь. – Он допил коньяк. – Мы с ней тогда поговорили, Уэйтс. Она сказала, что понимает свое состояние, понимает, что ее ждут тяжелые дни. И очень спокойно объяснила, что этот день был не из таких. Она все прекрасно осознавала и не могла простить мне, что я вызвал «скорую».

– Долгой же была та извилистая дорожка, которая привела дочь министра к Зейну Карверу.

– Да, дорожка была и долгой, и извилистой, – кивнул Роситер. – Моя дочь познакомилась с ним через кого-то из друзей. Насколько мне известно, она уже месяц живет в Фэйрвью.

– Месяц?

Он промолчал.

Фэйрвью – так называлась резиденция Карвера. Большой викторианский особняк в южном пригороде, полном молодежи и студентов. Дом Карвера приобрел скандальную известность благодаря вечеринкам, куда стремились попасть все, от университетских сердцеедов до местных знаменитостей.

– Не знаю, что обещал вам Паррс, но мне даны указания не лезть в гущу событий. Я слежу, как передают деньги за товар, выпиваю с дилерами помельче...

– Оно и видно, – сказал он. – Но с сегодняшнего дня ваша задача изменилась. Придется перейти черту. Еще больше запятнать себя. Вступить в контакт с ключевыми фигурами.

– И с вашей дочерью?

– Нет, нельзя, чтобы домой ее вернула полиция. Слишком рискованно.

– При всем уважении, сэр, если газетчики однажды уважили ваши просьбы, то проявят понимание и в этот раз. Да и вообще, что значит скандал по сравнению с тем, что она

вернется?

– Скандал? – переспросил Росситер. – Да я, не задумываясь, ушел бы в отставку, если бы это помогло вернуть Изабель.

Я верил ему и пропустил первый тревожный звончок. Таким тоном говорят о покойниках.

– Не хочу, чтобы из-за меня она наложила на себя руки, – сдержанно сказал он. – Понимаете?

Может быть, если бы я отчетливо видел его лицо, то понял бы, но нас окутывала тьма.

Я пожал плечами.

– Вы молоды. Вот погодите, на все будете готовы ради своих детей.

– И что же я должен сделать ради ваших?

Он помолчал, будто бы тщательно обдумывая ответ.

– Можете подобраться к ней? Проверить, все ли в порядке?

– Я могу ее лично спросить.

– В прямой контакт лучше не вступать.

– Не сказал бы, что вы облегчаете мне задачу, мистер Росситер.

– Я не хочу, чтобы дочь вернули домой насильно. И уж точно не с помощью полиции.

– Она и не поймет, что я полицейский, – возразил я. – Даже ваш особист в коридоре не сразу понял.

Росситер ничего не сказал.

– Послушайте, это опасные люди.

– В какие неприятности они ее втянули? Секс? – Он с запинкой произнес это слово.

– Вряд ли. Карвер считает себя джентльменом. Бизнесменом.

– Это ведь хорошо, да?

– Зависит от того, с какими бизнесменами вы общаетесь. Повторяю, этот человек очень опасен. Девушку с громкой фамилией можно втянуть во многое. В городе есть наркoдилеры, которые обошлись бы с ней гораздо хуже. От них она бы быстро вернулась домой залечивать психологические травмы. И думать бы забыла, что вас ненавидит.

Он хотел ответить на мой выпад, но сдержался.

– А что Зейн Карвер?

– Он другой. Скорее всего, знает, кто она. Скорее всего, постарается ей понравиться. Он торгует «восьмеркой»⁴ и...

– Восьмеркой?

– Героином, – пояснил я. – Слово звучит вполне невинно, если произнести его на улице или в клубе.

– Это исключено. У Изабель есть проблемы, но она не станет употреблять...

– Поначалу все так думают. Пробуют, а потом втягиваются. Это университетский район. Вот уже несколько лет Карвер снабжает наркотиками молодежные вечеринки. Он

⁴ *H* – первая буква в слове *heroin* (героин) и восьмая буква английского алфавита.

знает, что Изабель – ваша дочь?

– Наверное. – Росситер сглотнул. – Хотя обычно она стыдится об этом упоминать.

– А если знает, то играет с огнем. Ему ведь не известно, что вы не отправите за ней полицию.

– Хм... – сказал он, задумчиво крутя на пальце обручальное кольцо.

– Она и раньше сбегала из дома?

– Только в пятизвездочные отели, с моей кредиткой.

– У вас есть ее фотография?

Росситер достал из нагрудного кармана фотокарточку и протянул мне, прикрыв ладонью, будто огонек свечи. Изабель была бледной, симпатичной девушкой с пепельно-русыми волосами и умными голубыми глазами. На фотографии она смотрела чуть выше линзы объектива. Наверное, на того, кто ее фотографировал.

– Послушайте... – Росситер подался вперед. – Простите мою неуместную шутку про то, что вы выпиваете с наркоторярами. Вам сейчас нелегко.

Какое-то время мы сидели в тишине.

– Вам нужна еще какая-нибудь информация? – спросил он.

– Кто познакомил ее с Карвером?

– Боюсь, я ее никогда не видел.

– Ее?

– Его, их, не знаю.

– Может, ваша жена знает?

– Алекса – больной человек. Не надо ее тревожить.

– Ясно. Почему же вы решили действовать именно сейчас?

Он изогнул бровь.

– Изабель отсутствует уже месяц.

– Верно подмечено. – На его скулах заиграли желваки. – Должен признаться, что я сейчас нахожусь между двух огней, Уэйтс. Алекса тоже страдает депрессией. Уже какое-то время между нами... все сложно. Изабель пропала в разгар наших семейных неурядиц.

– Как мне с вами связаться?

Он протянул мне визитку с рельефной печатью. Я провел пальцами по выпуклым буквам.

– Звоните по этому номеру в любое время дня и ночи.

– Спасибо за коньяк. Буду держать вас в курсе.

Когда я уходил, он все так же сидел на диване – усталый и поникший.

«Рубик» был одним из тех огромных заведений, которые к вечеру превращаются в ночные клубы. На пике своей популярности он не уступал «Гасиенде»⁵. В «Рубике» давали концерты лучшие постпанк-группы. Но те времена давно прошли. Он располагался близ Динсгейт-Локс, у канала, пересекающего весь город. Собственно пивной зал освещала лишь красноватая подсветка, прямой свет не попадал сюда даже днем. Зал, один из крупнейших в стране, вмещал несколько тысяч посетителей.

На остальных трех этажах располагались четыре бара.

Вот уже три недели я следил за одним из барменов, амбалистым типом с модной небритостью. Он всегда держался настороже и внимательно поглядывал вокруг, особенно по пятницам, когда передавал курьерам Зейна Карвера большие суммы денег – выручку от продажи наркотиков. По моим наблюдениям, партии товара доставляли сюда, а затем бармен распределял их по другим ночным клубам района.

Схема была четко отлажена.

Ширанутых проще всего спрятать в пьяной толпе. Зейн Карвер был как бы ни при чем – весь риск брал на себя бармен. У него было целое меню клубных наркотиков под соответствующими номерами. «Тройка» – кокаин, «пятерка» –

⁵ Легендарный манчестерский диско-клуб конца 1980–1990-х гг.

экстази, «одиннадцать» – кетамины. Посетитель показывал соответствующее количество пальцев и получал требуемое без упоминания наркотика.

Секрет успеха Карвера заключался в том, что он действовал как экономический преступник, а не как уличный барыга. Он лишь отдавал распоряжения другим: в такой-то день доставить товар, а в такой-то – собрать деньги. Его знакомство с Изабель Росситер представляло любопытное исключение из правил.

Сегодня был расчетный день.

Из-за встречи с Дэвидом Росситером я пришел слишком поздно и передачу денег не застал. Но правила игры изменились. Теперь я имел право на прямой контакт.

Определить девушку-курьера не составило труда. Она выделялась на фоне остальных посетителей у стойки бара, а заказала, как обычно, тройную порцию водки. Черные леггинсы, короткие черные сапожки, ослепительная улыбка, ярко-розовая помада. Длинные каштановые волосы. Винтажная замшевая куртка, возможно старше своей хозяйки. Девушке было чуть больше двадцати. Она служила хрестоматийной иллюстрацией выражения «прятаться у всех на виду».

Когда я опрокинул ее бокал, она восприняла это спокойно. Только сердито хлопнула накрашенными ресницами, густыми, как хвоя араукарии. Заказала бармену новую порцию и снова приняла равнодушно-отстраненный вид – умение,

которое наверняка входило в перечень ее должностных обязанностей.

– Виноват.

– Да ладно, забудь, – ответила она.

– Ты ведь Кэт?

Она на мгновение замешкалась, потом повернулась ко мне.

– Кажется, мы виделись на вечеринке у Зейна...

– Неужели, – сказала она без вопросительной интонации.

– Ну, мельком.

Вообще-то, я раз или два видел, как она разговаривала с Карвером, но лично не был знаком ни с ним, ни с ней. Как ее зовут, мне сказали унылые дурнушки, тусовавшие у стен. Они говорили о ней как о знаменитости.

«Это Кэт. Одна из его любимиц».

Сначала, мол, она тоже стояла у стены, была простой тусовщицей и никого тут не знала, но постепенно пробилась в круг избранных. Дурнушки наивно полагали, что дело было в ее упорстве, а им самим нужно поактивнее себя вести, и тогда они добьются того же, чего добилась она. Те, что поумнее, вовремя понимали, что им ничего не светит.

Бармен зыркнул на меня и принес новую порцию водки. Он мне кого-то напоминал. Кажется, я его где-то видел... Интересно, узнал ли он меня? Кэтрин взяла бокал, сразу как-то успокоилась и повернулась ко мне с очаровательной, притягательной улыбкой, совсем непохожей на недавнюю – ослепи-

тельную, но деланую. Кэтрин, как великая актриса, вживалась в каждую роль настолько, что игра казалась убедительной. А когда в ходе разговора амплу менялось, собеседник ничего не замечал.

– Да, – сказала она. – Теперь я тебя вспомнила.

– Я угощаю.

– Прежде чем искать удобный повод угощать девушку, лучше узнай, не пьет ли она за счет заведения, а не проливай ее коктейль, – бросила она, отходя от стойки.

– Без этого ты не стала бы со мной разговаривать, – сказал я вслед.

Кэтрин обернулась:

– Может, и стала бы. Фингал у тебя классный. Лицо сразу запоминается.

– Ладно, как только этот пройдет, заработаю новый.

– Ага. Скажи-ка мне, э-э...

– Эйдан.

– Эйдан. – Она перестала улыбаться. – Тебе нужны неприятности?

Я не ответил.

– Ты их нарочно ищешь? – Она покосилась на бармена, потом перевела взгляд на меня.

Бармен наблюдал за нами, сложив руки на груди, широкой, как бочка.

– Нет, – сказал я. – Нет, что ты.

– Тогда я дам тебе совет. – Она подошла ко мне ближе. –

Иди домой, пока не обзавелся еще одним фингалом.

– Сама же говоришь, что с фингалом лицо лучше запоминается.

Она снова поглядела на бармена.

– Это не всегда хорошо, детка.

– Прости, что побеспокоил.

Бармен утратил к нам интерес и начал обслуживать каких-то девушек. Кэтрин отпила большой глоток водки, поставила бокал на стойку. Незаметно сунула под него какую-то карточку.

– Угостишь меня как-нибудь в другой раз... – Она снова улыбнулась притворной улыбкой, в которой все же мелькнуло какое-то искреннее чувство.

– Постараюсь больше ничего не пролить. Доброй ночи.

Красивыми, размашистыми шагами она направилась к выходу.

Я накрыл ладонью оставленную под бокалом карточку, еще немного посидел у стойки. Потом вышел из бара и отправился домой, в квартиру, которую снял на время. Там я выбросил разбитые часы, закинулся спидами и переоделся.

Третий прокол случился по моей вине. Повезло еще, что после него мне доверили хотя бы слежку за курьерами Франшизы.

Вот уже несколько недель я всеми правдами и неправдами добывал себе ночные дежурства. Выпрашивал их, забирал при любой возможности, отдавал за них свои дневные смены. Мне нравилось, что с девяти вечера до пяти утра знакомый город становился совершенно другим. Неоновое сияние высвечивало смайлики, выведенные детворой на грязных оконных стеклах.

Мне нравились люди.

Молодые, пьяные, влюбленные. Девчонки, ослепительные, как вспышки молнии. Хвастливые бойкие парни. Ночь – время транссексуалов, готов, геев. Пестрая толпа растекалась по главной улице, хором выкрикивая слова, значения которых я не знал. Меня это развеивало. Несколько отрезвляло. Помогало не влипать в неприятности. Почти.

Единственной проблемой был мой начальник. Инспектор уголовного розыска Питер Сатклифф. Его на самом деле так звали. Наверное, его участь стала ясна, как только имя и фамилию вписали в метрику. Наверное, его дразнили в детстве и всегда связывали с предметом ненависти всей нации⁶. В об-

⁶ *Питер Сатклифф* (р. 1946) – британский серийный убийца, получивший

цем, с именем вышла та еще подляна, но он его не гнушался. Все звали его Сатти. Прозвище не только помогало избежать неловкости, но и подшучивало над повышенной светочувствительностью Сатти⁷.

Он был мертвенно-бледен и страдал аллергией на солнечный свет.

Я многому у него научился, причем не только хорошему. Ночные дежурства быстро избавили меня от романтического взгляда на ночную жизнь. Сначала я ничего не знал про «вампов» – наркодилеров, которые действовали только по ночам, и про группировки: какая чем торгует и как их различать. С ходу я мог определить только улыб-смайлеров. Их так называли из-за шрамов в уголках рта – метке, полученной за долги или за излишнюю болтливость.

Сатти же различал рашбоев и уоллисов⁸ просто по свисту. С легкостью вычислял бернсайдера⁹, который забрел слишком далеко на юг города. Указывал сирен – девушек-курьеров Франшизы, которые порхали из одного ночного клуба в другой. А еще он почти сверхъестественным образом замечал наркодилеров. Было воскресенье, часа два ночи. Мы пат-

прозвище Йоркширский Потрошитель; арестован в 1981 г. и приговорен к пожизненному заключению за 13 убийств на сексуальной почве, совершенных в период с 1975 по 1980 г.

⁷ Созвучно слову *sooty* – черный как сажа, смуглый (*англ.*).

⁸ По названию манчестерских районов Рашхолм (Rusholme) и Уолли-Рейндж (Walley Range).

⁹ По названию манчестерского района Бернсайд (Burnside).

рулировали Оксфорд-роуд. Улица связывает студенческие общежития с университетом, а университет – с центром города, и на ней кого только нет: проститутки за работой и клиенты, ищущие ночных развлечений, барыги и наркоманы.

Оксфорд-роуд также ведет к городской достопримечательности – улице под названием «миля карри». Вдоль нее, насколько хватает взгляда, теснятся бесчисленные пакистанские, бангладешские, кашмирские рестораны. Процветающий, бурлящий жизнью пестрый мусульманский район. Интересен он был из-за наркоманской уловки, которую мы там подметили.

Сатти называл ее «трюк с чадрой». На этой улице в любое время дня и ночи можно встретить молодых женщин в бурках и паранджах. Так они скрывают свои перемещения. Некоторые дилерши и особо нервные наркоманки стали рядиться в такую одежду. Сатти это бесило. Мало того что темнокожая, так еще и наркоманка. Дважды враг.

Мы стояли около круглосуточного ларька, пили кофе. Сатти курил. Неожиданно он ткнул меня в бок и дернул подбородком:

– Вон наша девица.

– Которая? Где?

По тротуару напротив шла невысокая женщина в черном одеянии.

– Может, она просто домой идет.

– Ага, как же, – буркнул он и пошел через дорогу, пря-

мо под машины, повелительным жестом останавливая водителей.

Я направился следом за ним. Он обогнал женщину и встал у нее на пути. Она попыталась вильнуть в сторону. Он предостерегающе поднял руку, перевел дух и сказал:

– Аллах акбар.

Женщина ничего не ответила.

– Ну-ка, открывай личико, – велел Сатти.

Женщина поглядела по сторонам, будто ища выход из западни. Неохотно стянула с головы черный платок. Жидкие пряди волос, светлые и ломкие, как солома. Белая кожа, почти такая же бледная, как у Сатти. Явно наркоманка. Подойдя ближе, я увидел, что она меченая – из уголков рта к щекам тянулись шрамы.

– Улыбочку убери, – хохотнул Сатти над своей же шуткой.

Выражение лица женщины не изменилось.

– А что это у тебя в руке, красавица?

Кулак правой руки был плотно прижат к боку. Женщина медленно подняла руку, разжала ладонь, показала две смятые, влажные от пота десятифунтовые купюры.

– Большое спасибо. – Сатти сгреб банкноты и ушел.

Женщина уставилась на пустую ладонь. Потом недоумевающе – на меня.

– Сэр, – негромко сказал я Сатти в спину.

Как слабак.

– Сэр... – повторил я.

Он не обернулся.

– Сатклифф! – заорал я.

Он остановился и посмотрел на меня ничего не выражающим взглядом.

– Вы не имеете права так поступать, – сказал я.

Какое-то время он стоял неподвижно, огибаемый ручейком прохожих. Наконец кивнул. Подошел к женщине, порылся у себя в карманах, вернул ей банкноты. Схватил ее за руку и подвел ко мне.

– Обыщи, – велел он.

Я продолжал смотреть на него.

– Обыщи ее, кому говорят! Исполни приказание.

Я повернулся к женщине. Прохожие обходили нас по широкой дуге, держась подальше от Сатти. Женщина снова вытянула руки, разжала тот кулак, где были купюры. Между ними лежал пакетик нюхла, которого раньше не было. Сатти шагнул к женщине и с напускным изумлением уставился на нее.

Укоризненно поцокал языком, завел ей руки за спину, надел наручники и поволок к патрульной машине.

– Что, ловко я ей денежки вернул? – бросил он мне, гаденько ухмыляясь.

В машине женщина расплакалась. Мы составили на нее протокол, а наркотики сдали в хранилище для вещдоков. С совестью я боролся недолго. На следующий же день заглянул в Центральный парк, отметил на входе Главного полицей-

ского управления и поднялся на лифте на пятый этаж. Ввел код на дверях в закрытую зону, где в сейфах хранились изъятые наркотики. Забрал кокаин и заменил на тальк. И все бы хорошо, да только я выбрал день, когда суперинтендант Паррс распорядился провести инспекцию вещественных доказательств. Помнится, я шел по коридору, а в ушах гудела кровь.

И тут раздался писклявый голос:

– Детектив-констебль...

Я сразу понял, что попался. Перепуганный до смерти, я два часа просидел под дверью суперинтендантского кабинета. Моя первая беседа с Паррсом началась с того, что он пригласил меня войти, велел мне сесть, а дальше избрал совершенно типичную для себя тактику.

Молчал.

Мы сидели в тишине, пока она не стала невыносимой. Я рассказал ему свою версию случившегося и признал, что, видимо, этим и закончится моя еще не начатая карьера. Он выслушал мои заверения, не стал разубеждать, а откинулся в кресле и с некоторым интересом посмотрел на меня.

И снова этот шотландский акцент.

– Думаешь, для тебя правила не писаны, Уэйтс?

– Сатклифф...

– С ним я разберусь. Я тут глянул на твое личное дело. В целом все нормально, кроме странной склонности к работе в одиночку. Возможно, ты мне и нужен.

– Сэр?

– Говоря начистоту, сынок, варианта у тебя два. Советую выбрать первый.

Я ждал.

– Я прямо сейчас отстраняю тебя от должности. Выдвигаю обвинения. Возбуждаю уголовное дело и отправляю тебя в тюрьму. Да, и сообщаю газетчикам, что ты – продажный полицейский. На службу тебя больше не возьмут.

– А второй вариант?

– Сделаешь для меня кое-какую работенку. В управлении уже всем известно, что ты натворил. К обеду слухи разлетятся по всему городу. Из этой ситуации можно извлечь пользу.

– Каким образом?

Он подался вперед:

– Мне очень нужен человек с такой репутацией.

Он обрисовал свой план.

Ни для кого не было секретом, что кто-то из полицейских продался Зейну Карверу. Уже несколько лет вещественные доказательства таинственным образом исчезали, а облавы на Карвера не приносили результатов. Мне предстояло узнать, кто из сотрудников полиции на него работает. Сделать вид, что я еще хуже, чем они. Слить Карверу ложную информацию и заманить в ловушку.

– В любом случае до суда тебя отстранят от работы. Никаких расследований. Гуляй сколько хочешь. Заводи дружбу с криминалом. – Улыбка Паррса походила на акулий оскал. –

Если правильно провернешь дельце, все обвинения тут же исчезнут...

– Но вы же советуете мне выбрать первый вариант.

– Первый лишит тебя карьеры. А второй может лишить тебя жизни.

– У меня есть время на размышления?

– Знаешь, начну-ка я составлять протокол. – Он взял ручку, щелкнул колпачком. – Если не хочешь в тюрьму, так и скажи, пока я не исписал страницу.

В первом варианте не было ничего хорошего, но тюремная камера пугала больше. Я вырос в детском доме. Мне на всю жизнь хватило казенных коек, столовок, отбоя и подъема по команде. Я посмотрел на Паррса. Он писал быстро. Лист заполнялся словами – «сговор», «коррупция», – и я понял, что выбора у меня нет.

– Согласен, – произнес я.

Я думал, что ничего другого мне не оставалось. Сначала мне даже понравилась идея затеряться среди людей Франшизы. Суперинтендант Паррс панически боялся, что меня раскроют. О том, что я – подсадная утка, знали лишь трое.

Я отказался от квартиры, сдал вещи на хранение. Переехал в центр города, чтобы быть в гуще событий. Следовал из бара в бар за людьми Франшизы. Долго придумывал, что именно сказать знакомым из моей прежней жизни. Предупредил девушку, с которой спал, что, мол, на время уезжаю. Она рассмеялась и принялась собирать вещи.

– Уезжаешь? Да тебя тут на самом деле никогда и не было.

Я перестал появляться на работе. Исчез. Обо мне напечатали статьи в газетах, и все поверили тому, что было в них написано.

Коррупцированный детектив Эйдан Уэйтс.

Мой мозг лихорадочно работал, сопоставляя обрывки информации. Я покрутил в руках карточку, оставленную Кэтрин. Приглашение на закрытую вечеринку в Фэйрвью. В дом Зейна Карвера. Можно пойти туда, поискать Изабель Росситер.

Я нашел бутылку вина и надел куртку. От спидов тут же наступил приход. Я постоял у окна, глубоко дыша и глядя на бесконечные ряды зданий.

Пятьдесят этажей немигающих освещенных окон.

Я постучал в дверь.

Здание сотрясали басы, ритмичные, как биение сердца. Каждое подрагивание окон и стен словно бы понемногу накреняло дом ко мне. Грохот стереосистемы привлекал зевак, которые не решались постучать в дверь, а толпились на подступах к дому, глядя на меня как на своего предводителя.

Фэйрвью находился на границе между Уэст-Дидсбери и Уитингтоном – двумя самыми богатыми пригородами. Особняк казался отпрыском какого-то аристократического семейства зданий, возвращенным на всем лучшем. Я поудобнее ухватил бутылку красного и несколько раз долбанул донышком в дверь.

Мне открыла девушка в черном вечернем платье. Больнично-бледное лицо, натуральные рыжие волосы. Она что-то сказала, но грохот музыки заглушил ее слова. Глаза, обрамленные густо накрашенными ресницами, классическое черное платье и беззвучное движение губ превратили девушку в звезду немого кино. Я обомлел и растерянно смотрел на нее. Наверное, она привыкла к такой реакции, потому что взяла у меня визитку и жестом пригласила войти.

Я шагнул за порог, в какой-то сгущенный, плотный воздух. В доме царило безумие: громкий смех, мелькание рук, ног. Всюду, куда ни глянь, танцевали и целовались разгоря-

ченные, потные люди. Я хотел было поблагодарить рыженькую, которая меня впустила, но она уже отошла и оживленно беседовала с каким-то парнем.

Как и следовало ожидать, я, почти тридцатилетний, выделялся в толпе тех, кому было едва за двадцать.

Кэтрин нигде не было, но мое внимание привлекла другая. Она стояла справа, чуть поодаль от танцующих, и всем своим видом выбивалась из общей массы. Панковская яркая белизна, сменившая натуральный цвет волос, обрамляла знакомое привлекательное лицо. Нарочито взрослый прикид не скрывал стройной и изящной фигурки семнадцатилетней девушки. Она рассеянно смотрела вокруг, пожевывая прядь волос и привлекая к себе недвусмысленные взгляды молодых чуть постарше.

Изабель Росситер.

Она беспрестанно теребила легкий бахромчатый шарфик на шее, будто проверяя, на месте ли он. Ее отец сказал, что она пропоролла шею ножом. Видимо, шарфик скрывал шрам.

Я отошел от двери, бормоча нечто вроде благодарности за позволение войти, и с робкой надеждой посмотрел на рыжую. Она ответила равнодушным взглядом красавицы, к ногам которой ежедневно валяются сотни парней. По-приятельски кивнув Изабель Росситер, я двинулся дальше.

Холл был набит людьми, и я проталкивался между ними, заставляя расступаться море бухих двадцатилетних юнцов с бутылками в руках. У многих глаза остекленели от «вось-

мерки», но главной движущей силой вечеринки был экстази. «Пятерочка», как его называли. Я был явно лишним среди танцоров в соседней комнате, слишком устал, чтобы бороться с пьяным приливом в холле, а пробиться на второй этаж было невозможно. Лестницу полностью оккупировали парочки, ждущие очереди в туалет, в душ, в спальни – к сексу.

– Дай отхлебнуть, – произнес мне на ухо девичий голос.

Промельк фарфорово-белой кожи, зубы ослепительной белизны, безумные платиново-белые волосы. Я вспомнил фотографию, которую дал Дэвид Росситер. С тех пор Изабель похудела, но здесь ее худоба не бросалась в глаза. Остальные девушки, старше Изабель лет на пять, а то и на десять, были такими же. Утонченные до полусмерти, они беспрестанно избавлялись от всего лишнего.

– Держи. – Я протянул ей бутылку.

Она глотнула вина, утерла губы и, немедленно утратив ко мне всякий интерес, стала оглядываться по сторонам, будто надеялась, что за нами кто-то наблюдает. Когда очередной людской прилив подтолкнул нас друг к другу, она смерила меня взглядом, а потом разочарованно посмотрела мне в глаза.

– Ты чего тут делаешь? – спросила она, стараясь перекрыть музыку.

Резонный вопрос. Мой возраст, выражение лица и темная одежда контрастировали с царившим вокруг буйством мо-

лодости, энергии и цвета.

Она улыбнулась, сверкнув идеально-белыми зубами.

– Откуда ты знаешь Сару Джейн?

– Сару Джейн?

– Ну, рыженькую, к чьим ногам ты только что упал.

– Впервые ее вижу.

– Она выпускает только тех, кого знает...

– У меня внешность типичная.

– Типичная? – Она впервые присмотрелась ко мне. – И

фингал из-за этого?

– Ага, с кем-то перепутали.

– Ну-ну, – ответила она, снова отхлебывая из моей бутыл-

ки.

Из-за толкотни мы оказались еще ближе друг к другу.

– Да ты, наверное, сам себе глаз разукрасил, чтоб боялись.

– Просто я люблю ходить на тусы и задирать самого глав-

ного.

Она изогнула бровь:

– Зейна знаешь?

Мы стояли так близко, что почти соприкасались губами.

Я наклонился к ее уху, чтобы она меня лучше слышала.

– А он здесь?

– Не видела.

– Но ты его знаешь?

– Ага, – равнодушно ответила она.

– Я слышал, от него можно схлопотать кое-что похуже

фингала.

– Так откуда ты знаешь Сару Джейн?

– Я же сказал, что не знаю.

Она отодвинулась:

– Тогда что ты тут делаешь?

– Общаюсь с хорошими девушками.

– Зейн не имеет дела с хорошими девушками.

– А как же ты?

Она сморщила нос, мол, что за дешевая лесть.

– Когда я здесь появилась, во мне было мало хорошего, а теперь вообще ничего не осталось.

– В каком смысле?

Она отвернулась, и я забрал у нее бутылку.

– Эй, отдай, – сказала Изабель.

– Нет уж.

– Тебе что, вина жалко?

Я кивнул и отпил из бутылки.

Она наклонила голову набок и скучающим тоном заявила:

– Я тебе отсосу.

Толпа из коридора снова притиснула нас друг к другу. По-моему, Изабель чуть покраснела. Я отдал ей бутылку и отступил:

– Не надо.

Она поглядела на бутылку, смущенно улыбнулась краешком губ:

– Извини. Не знаю, что на меня нашло.

Она сделала шаг назад и исчезла в жадной колышущейся толпе.

Вечеринка носила меня из комнаты в комнату. Одна дверь была заперта. Интересно, что там? Ни рыжую Сару Джейн, ни Изабель Росситер я в тот вечер больше не видел. Карвер с Кэтрин даже не появились. У меня возникло странное ощущение, что все они собрались где-то в другом месте. И все это было подстроено. Ради меня. Во что же меня втянул Паррс?

В субботу я проснулся рано. Последний день октября. Я нашел визитку Дэвида Росситера, набрал десять цифр номера из одиннадцати, повесил трубку. Потом позвонил по другому номеру. Суперинтендант Паррс ответил после первого же гудка.

– Уэйтс... – начал он.

Паррс всегда отвечал по телефону одинаково. Будто только и делал, что смотрел на телефон, дожидаясь, когда на дисплее высветится имя звонящего. Шотландский акцент превращал голос в басовитое рычание.

– Суперинтендант.

– Как там Росситер? – спросил он.

– Отец или дочь?

– Отец.

– Мы с ним выпили. Что само по себе удивительно. А еще удивительно, что вас там не было.

– Начальство так решило, – хмыкнул он. – Министр и наша обожаемая старшая суперинтендантша.

– А что она об этом думает?

– Она посчитала, что мое присутствие придаст разговору ненужный официальный оттенок. Ей важно, чтобы мы и сохранили лицо, и не вышли за рамки законности, так что лучше, чтобы два твоих «амплуа» не пересекались.

– Разумно, – сказал я.

Он снова хмыкнул.

Всякий раз, когда Паррс упоминал старшего суперинтенданта Чейз, в его голосе звучали неуверенные нотки. Они ласкали мне слух. Во всех остальных случаях понять, что думает Паррс, было невозможно. Видимо, Чейз навязала ему дело Росситера. Для Паррса это было возмутительно. Вдвойне. Потому что приказ исходил от женщины.

Паррс прервал мои размышления:

– Ты только не забывай, на кого работаешь и что для тебя главное. Недели через две тебе все равно пришлось бы вступить в контакт с людьми Франшизы. Поэтому я на все это и подписался.

– Ясно.

– Ты ходил к ним вчера вечером.

Не видя Паррса, я не мог понять, он спрашивает или констатирует известный факт.

– Сэр.

– И?..

– Карвера не было.

– Наркотики?

– Были, но по мелочи. Студенты развлекались.

– А Изабель Росситер?

– Была. Мистер Росситер просил меня держаться на расстоянии. Похоже, у нее все нормально.

Я вспомнил, как она забрала у меня бутылку. Порадовал-

ся, что не приходится врать в лицо Паррсу.

– Она там живет?

– Да, насколько я понял. Я думал было позвонить министру, но сначала хотел согласовать это с вами.

– Сообщай ему обо всем. То есть, о чем именно, буду решать я. Не обязательно вдаваться в подробности. Утренние газеты видел?

– Нет еще.

– Понятно. Небось ты еще до душа и до бритья не дошел. Я хотел в этом году возобновить расследование по делу Гринлоу. Ждал, когда ты обзаведешься связями во Франшизе. Но поскольку мы идем с опережением графика, я договорился с «Ивнинг ньюс»¹⁰, чтобы объявление напечатали в сегодняшнем выпуске. В начале следующей недели его повторят.

Несмотря на название, газета выходила по утрам. Может, еще успею прикупить.

– О чем говорится в объявлении?

– Десять лет, как она исчезла.

Я слышал его дыхание в трубке. Несмотря на все заявления суперинтенданта о необходимости вести упорную борьбу с наркоторговлей, у меня возникло ощущение, что больше всего его интересовало исчезновение Джоанны Гринлоу. Громкий висяк, связанный с Франшизой.

– Родственники об этом знают?

¹⁰ «Evening News» (англ.) – «Вечерние новости».

– Нет никаких родственников. Когда ей было пятнадцать, она родила. Ребенка отдали в детдом. Я хочу знать, как Зейн Карвер отреагирует на объявление. Если никак, разговори его.

– Попытаюсь.

– Пусть он поволнуется, – настаивал Паррс.

Его не заботило, что это ставит меня под угрозу. Наверное, для него так было лучше. Он-то ничего не терял при любом раскладе.

– В остальном действуем по прежнему плану.

– Сэр.

– Еще что-нибудь?

Я вспомнил смущенную Изабель с бутылкой вина в руках. Не хотелось превращать жизнь девушки в разменную монету.

– Пожалуй, все, – ответил я.

Дело Гринлоу было Паррсовой идеей фикс. Оно не входило в наш первоначальный уговор, предполагавший, что я буду наблюдать за Франшизой как за хрупкой экосистемой. Объявление в газете стало камнем, брошенным в пруд. Операция внедрения превратилась в смертельно опасную затею.

Исчезновение Джоанны Гринлоу прочно вошло в городской фольклор.

В начале девяностых она была курьером у Зейна Карвера. Одной из первых. А когда согласилась дать показания против Зейна, полицейские превратили ее имя в нарицательное. Старые служаки употребляли его, когда раскрытие дела представлялось маловероятным: «Против него ничего не нарыть, сынок. Разве что очередная Джоанна Гринлоу объявится».

Я встал, оделся и нашел выпуск «Ивнинг ньюс». Заголовок на первой странице бросался в глаза:

ПОЛИЦИЯ ПРОСИТ СОДЕЙСТВИЯ В СБОРЕ
ИНФОРМАЦИИ ОБ ИСЧЕЗНОВЕНИИ ДЖОАНЫ
ГРИНЛОУ.

Десять лет.

В статье говорилось, что двадцатилетняя Гринлоу была хорошо известна в определенных кругах и имела связи с преступным миром. Оборвав эти связи, она начала новую

жизнь, а потом пропала без вести. На самом же деле все было несколько сложнее.

Именно она придумала организовать сбыт наркотиков через бары. До этого Карвер промышлял по мелочам: торговал легкой наркотой и прикидывал, чем бы еще заняться. Все изменилось с появлением так называемой Франшизы. Карвер обладал профессионализмом и стратегическим мышлением – качествами, которых хаотичный наркорынок города прежде не знал. К сожалению, к ним присоединялись амбиции. Карвер настаивал на расширении рынка сбыта. Полилась кровь. Джоанна обратилась в полицию, когда убили ее подругу, еще одну курьершу Карвера.

Безопасность Джоанны обеспечили «охранными мерами» – бюджетным вариантом программы защиты свидетелей. Девушку поселили в заброшенном доме на Терсфилд-стрит, улице-призраке в пригороде Солфорд, где стояли целые кварталы пустующих домов. Район был таким запущенным, что дома не отводили ни под ремонт, ни под снос. Идеальное укрытие.

Малый масштаб операции не предусматривал расходов на круглосуточную охрану. Перед концом смены в дом заглянул патрульный. На стук в дверь никто не ответил. Патрульный забеспокоился, вышиб дверь, вошел в дом и вытер ноги в прихожей, потому что крыльцо было заляпано краской – черной и белой.

Я взгляделся в фотографию на газетной странице. Темные

кудрявые волосы, длинный свитер толстой вязки, черные леггинсы. Не наркокурьер, а студентка-искусствовед. Лицо насмешливое и чуть удивленное. Джоанна стояла в нише у камина, словно пыталась слиться с каменной стеной.

Десять лет назад.

Патрульный обыскал дом, но там не было ни Джоанны, ни ее чемодана, ни ее вещей.

С тех пор Джоанну Гринлоу никто не видел. И лично мне совсем не хотелось знать, какое отношение имеет к этому Зейн Карвер.

Следующую неделю, как и весь месяц до этого, я провел за рутинной слежкой. Таскался по барам, отмечая про себя, как далеко проникла Франшиза. Мне нравились одинокие блуждания, но пятничная вечеринка не давала покоя. Хотелось поближе узнать тех, с кем я познакомился, и тех, с кем еще не успел познакомиться. Двойная жизнь придавала мне определенный азарт, но дело было не только в этом. Не отпускало ощущение, что это мой шанс хотя бы частично наверстать что-то из упущенного.

В понедельник я позвонил Дэвиду Росситеру, сообщить ему новости о дочери. Он пригласил меня на кофе в пентхаус, чтобы я подробно рассказал о своих впечатлениях.

– Буду через час, – пообещал я.

– Я пришлю машину.

Уже повесив трубку, я вдруг понял, что не дал ему своего адреса. Через десять минут подъехал черный «БМВ». Детектив Керник, на этот раз один. Он молча отвез меня в Битхэм-Тауэр. Сопроводил в лифт, где нудила фоновая музыка. Еще одно посещение сорок пятого этажа странным образом волновало. Как электрошок. Детектив Керник провел меня по коридору. Завел в пентхаус и закрыл за мной дверь.

Скудный зимний свет окрасил комнату в тона сепии. На этот раз Дэвид Росситер принял меня в гостиной. Сидел в

кресле, выглядел внушительно. Он молчал, пока Керник не закрыл за собой дверь.

– Уэйтс. – Министр встал и протянул мне руку.

– Мистер Росситер.

– Садитесь, пожалуйста.

Мы сели.

– На самом деле рассказывать особо нечего.

– Это уж я сам рассужу.

– После нашей с вами встречи в пятницу я пошел в бар на Динсгейте. Примерно месяц я слежу там за человеком, который предположительно работает на Франшизу.

– Название бара?

– Простите, не уполномочен.

Росситер изогнул бровь.

– Насколько я понимаю, вашу просьбу я исполняю неофициально. А поскольку идет расследование, большего я сообщить не могу.

Он нахмурился:

– Продолжайте.

– Меня интересуют пятницы, поскольку в этот день Карвер собирает деньги за товар.

– Каким образом?

– На него работают молодые женщины. Приходят в бар якобы отдохнуть, болтают и флиртуют с барменом, затем забирают деньги и на такси уезжают к Карверу.

– И что, это безопасно?

– Да, если владеешь таксофирмой. После нашего с вами разговора я связался с одной из этих девушек, и меня пригласили в дом Карвера. Там почти каждую пятницу устраивают вечеринки. Наркотики, диджеи, танцы и так далее.

– Наркотики?

– В основном экстази.

– А Изабель?

– С ней, похоже, все в порядке.

– Похоже?

– Обычная молодая девушка, которая хорошо проводит время.

Я балансировал на грани правды, но в поведении Изабель и впрямь не было ничего такого, что давало бы повод за ней следить. Или немедленно уведомить ее отца. Росситер молчал, осмысливал услышанное.

– Ваши предположения? – спросил он.

– Я не строю предположений, я знаю только то, что вижу.

– Допустим, все это правда. – Он пристально посмотрел мне в глаза. – Но так не пойдет, Уэйтс. Откуда вам знать, что важно для Изабель? Что важно для меня? Расскажите мне все, а я сам решу. Несомненно, вы знаете, что делаете, но вы слишком молоды, а потому можете не заметить чего-то важного.

– При всем уважении, сэр...

– Уважения мне хватает. Мне нужны факты.

Какое-то время мы оба молчали.

– Почему вы снимаете обручальное кольцо, мистер Росситер?

Его взгляд дрогнул.

– Простите?

– Обручальное кольцо. Зачем вы его снимаете?

Он коснулся виска:

– Не вполне понимаю...

– Кольцо было холодное, когда вы пожали мне руку при первой встрече. А ладонь – теплая. То же самое сегодня. Если уж вы снимаете кольцо, то кладите его в карман брюк. Куда-нибудь, где оно сохранит тепло. В кармане пальто, особенно на улице, да еще в такую погоду, кольцо станет слишком холодным. А это вызовет ненужные вопросы.

– К чему вы клоните?

– Просто заметил.

С минуту мы сидели в тишине. Росситер смотрел куда-то мне за спину. Я даже подумал, что в комнате есть кто-то еще, прямо за мной. Я не двигался. Наконец Росситер посмотрел мне в глаза. Холодно улыбнулся:

– На сегодня – все.

Самую интересную работу я старался распределять поровну на все дни недели. Чем ближе подходила пятница, тем медленнее тянулось время. Мне хотелось попасть на следующую вечеринку. Подобный азарт я испытывал только в клубе «Рубик» на Динсгейте.

Я наблюдал за работниками клуба. За всеми их передвижениями.

Бар был стержнем Карверова бизнеса, а бармен – неотъемлемой его частью. В один из дней я взял с собой книжку и, потягивая пиво, наблюдал за ним. Чем бы он ни занимался – смешивал коктейли или брал чаевые, – все делалось с каким-то остервенением. Вдобавок было и кое-что еще.

Где-то я его уже видел.

Вспомнив где, я тут же пошел на площадь Сент-Питерс-Сквер. Центральная городская библиотека недавно открылась после четырехлетнего ремонта. Огромное круглое здание, возведенное в духе лучших образцов классической римской архитектуры, выделялось на фоне серых офисных строений. После реставрации я тут еще не был, поэтому пришлось спрашивать, как пройти в архив.

Среди статей в «Ивнинг ньюс» наконец отыскалась нужная. На фотографии бармен – гладко выбритый, улыбающийся – стоял на лестнице у здания суда. Парился в дешевом

костюме-тройке. Лицо торжествующее, будто он только что выиграл провинциальный турнир по дартс.

СМИТСОН ОПРАВДАН

Глен Смитсон, бармен, был арестован по обвинению в изнасиловании Элинор Кэрролл, восемнадцатилетней первокурсницы, впервые в жизни выехавшей за пределы Ирландии. Дело против Смитсона распалось, несмотря на внушительный послужной список, в котором фигурировали кража, домашнее насилие и торговля рогипнолом. Судья обвинил следствие в фальсификации улики. Читая между строк, я понял, что девушку запугали. Она отозвала заявление о судебном преследовании, бросила университет и уехала домой.

Франшиза во всей красе.

Я долго разглядывал фотографию.

Все, связанные с Франшизой, умели расположить к себе. Людям надо с любовью исполнять свою работу, даже в теневом бизнесе. Бармен же постоянно злобился. Хорошо бы понять, почему.

Ноябрь. Фэйрвью. Вечер пятницы. Те же глухие басы, бьющие сквозь стены. Те же зеваки на тротуаре, не решающиеся войти. Первый раз мне удалось попасть внутрь и благополучно выбраться, но сейчас я нервничал. Дома я проглотил таблетку, еще одну сжевал на пороге. Колотить в дверь не пришлось. Она распахнулась передо мной. Сара Джейн – тугие рыжие локоны, белая кожа, уже другое черное платье – склонила голову набок. Взгляд ее говорил: «Я тебя помню», но не больше.

Она была красива жестокой красотой. Такой, которую вспоминают на смертном одре, жалея, что при встрече не стало смелости, хотя с другими и не там, где надо, смелости было с лихвой.

Я вошел в дом. Сара Джейн закрыла за мной дверь. Сегодня народу было больше, чем на прошлой неделе. Жизнь кипела в каждом углу так, что стены запотевали. Я обернулся поблагодарить Сару Джейн и сразу понял, в чем причина.

Зейн Карвер.

Он стоял рядом с ней, излучая притягательность и холодную, неприкрытую угрозу. Деньги и наркотики делали тридцатилетнего Карвера, самого старшего из присутствующих, неуязвимым для любых предрассудков. Мулат с ослепительной улыбкой, небрежно одетый в дизайнерские брен-

ды, больше походил на хип-хоп продюсера. Высокий рост заставлял его чуть склонять голову в коридоре собственного дома. Это создавало впечатление, что Карвер подпирает потолок, но ему, похоже, это нравилось. Фэйрвью, еще кое-какая недвижимость и приличный годовой доход достались ему от родителей. У Карвера не было необходимости связываться с миром насилия и жестокости. Однако же тем, кто унаследовал фамильное состояние, свойственна жажда новых денег.

Сара Джейн полуобернулась ко мне, хотела что-то сказать, но тут вмешался Карвер.

– Так я прав, что ли? – произнес он с нарочитым «южным» акцентом человека, который никогда не жил в южных штатах США.

Она повернулась к нему, тихо и быстро заговорила. Он слушал ее вполуха, просматривая сообщения в мобильнике. Мой приход создал какое-то свое настроение. Мне захотелось смыться, но я вежливо кивнул в их сторону и с некоторой опаской прошел дальше.

Какое-то время я пил в коридоре, потом снова увидел Сару Джейн. На фоне девиц с желтушным искусственным загаром ее кожа казалась очень бледной и гладкой. Сара Джейн скользила сквозь людскую стену с отстраненной легкостью призрака.

Я окликнул ее сквозь шум. Она не обернулась. Я пошел за ней, но меня толкнули в спину и сбили с ног. Я повалился

на стоящих рядом и, поднимаясь, увидел, как хозяин вечеринки, Зейн Карвер, прокладывает путь через толпу следом за Сарой Джейн.

Я потянулся к его плечу. Меня оттащили. Кто-то, похожий на гору мышц, начал громко возмущаться, что я разлил его выпивку. Карверов костолом, Дэнни Грайп. Для друзей – Зажим.

Он толкнул меня и завопил:

– Ты чё, охренел, а?

Вблизи стало заметно, что с ним не все в порядке. Выпученные глаза едва не вылезали из орбит, левая рука была тоньше правой, на голове проплешины. Он издевательски переводил взгляд с меня на опрокинутый бокал, будто сомневаясь в законе всемирного тяготения.

– Чё, охренел? – повторил он.

Я не ответил. Не знал, что ответить. Он снова меня толкнул, и я рассмеялся ему в лицо. Злоба перекосила крошечный рот, выпяченные губы сложились в куриную гузку. Драться в толпе было невозможно. Он сжал здоровую руку в кулак, но его удержали.

Надо было либо уносить ноги, либо пробиться к Саре Джейн и Карверу. Я неохотно отвернулся и стал проталкиваться сквозь толпу. По слухам, из-за Карвера пропадали женщины.

На кухне, у застекленных дверей во внутренний дворик, толпились человек десять. Музыка здесь звучала тише, люди

о чем-то вполголоса переговаривались. Ссорящаяся парочка была уже во дворе. За дверью, в конце садовой дорожки, виднелись два силуэта. Сара Джейн и Карвер о чем-то горячо спорили. Из ртов вырывались облачка пара, но слов не было слышно. Карвер угрожающе навис над Сарой Джейн. Я встревожился и рывкнул на всю кухню:

– А ну-ка все брысь отсюда! Зейну не до вас!

Его имя напугало зевак, и почти все убралось в коридор. Один, пошатываясь, попытался заглянуть мне через плечо и восхищенно пробормотал:

– Чё это он делает?

– Предложение, – ответил я. – А ты что подумал?

Парень обиженно вышел вон, будто я усомнился в его лучших чувствах.

На кухне горел свет, и Карвера с Сарой Джейн я видел через свое отражение в стекле. Сначала они стояли так близко, что напоминали двухголового монстра, но потом в ходе ссоры разделились. Я прижался к стеклу, хотел распахнуть дверь, и тут одна из темных фигур ударила другую по голове.

Они отскочили друг от друга и замерли в сумраке. Разгоряченное дыхание клубилось в подсвеченном фонарем ноябрьском воздухе, соединяло их туманным мостиком. Внезапно они успокоились, дыхание замедлилось, облачка пара постепенно редели и наконец истаяли.

Я перевел взгляд на свое отражение. Мое лицо выражало не потрясение и не тревогу, а неприкрытое любопытство.

Я отвернулся от дверей и неожиданно заметил, что из угла на меня смотрит Изабель Росситер. Она стояла у стены, держа в руках бутылку вина, и наверняка видела, как я увлеченно следил за происходящим. В свете ламп ее обесцвеченные волосы полыхали неоновой белизной.

– Привет еще раз.

– А, привет, – отозвалась она, будто только что меня увидела, подошла ко мне, рассеянно огляделась и кивнула на Карвера и Сару Джейн: – Им хорошо вместе. Иногда.

– Как это?

Она пожала плечами:

– С ним она улыбается.

– А что, это редкость?

– Ты хоть раз видел, чтобы она улыбалась?

– Я еще и твоей улыбки не видел.

– Я тоже, – сказала она. – Чем собираешься заняться?

– Зависит от обстоятельств.

– От каких?

– От даты твоего рождения.

Она изогнула бровь. Очень по-отцовски.

– Я увлекаюсь астрологией, – пояснил я.

– У нас хорошая совместимость.

– Правда? А как тебя зовут?

– Какой ты старомодный. Это так скучно, – ехидно протянула она. – Спросил бы лучше мой номер телефона. – Она пыталась шутить, и этим понравилась мне еще больше.

Я хотел уйти, но она взяла меня за руку. И перестала вести себя как роковая женщина.

– Изабель. Меня зовут Изабель.

– Целых три слога? Я столько не запомню.

Она наконец улыбнулась:

– Друзья зовут меня Иззи.

– Друзья? – Я выглянул в сад.

Карвер и Сара Джейн шли к дому. Их лица не выражали никаких эмоций. Мое отражение все еще таранилось на меня из стеклянной двери, но во взгляде больше не было любопытства. Он стал жестким.

– Это твои друзья?

Она подергала меня за руку:

– Откуда ты знаешь Сару Джейн?

– Я же говорил, что не знаю ее.

– А я говорила, что она впускает только тех, кого знает. –

Изабель протянула мне свою бутылку вина. – Вот, возвращаю должок, с прошлого раза.

Я вяло улыбнулся и вышел из кухни в море двадцатилетних сосунков.

«Она впускает только тех, кого знает».

Что это? Предупреждение? Толпа лениво колыхалась в коридоре. Я почти добрался до двери, но тут плечо мне сжала большая горячая ладонь. Я обернулся. На меня смотрел Зейн Карвер с расквашенным носом. Кивнул в сторону кухни, потом сказал мне на ухо:

– На пару слов, браток.

Танцующие расступались перед Карвером – не из-за его внушительных размеров, а из-за его репутации. При взгляде на меня улыбки исчезали с лиц, сменялись тревогой. Многие видели, как Сара Джейн разбила Карверу нос. В соседней комнате по-прежнему гремела музыка, но я ее почти не слышал. Зейн прошел напрямик на кухню. Я вдохнул поглубже и последовал за ним.

Изабель там не оказалось. Нас было трое: Зейн Карвер, я и Зажим – костолом, с которым я недавно повздорил. Он был похож на оживший труп. В ярком свете ламп стало видно, что его левая рука и впрямь тоньше правой. Ладно бы только это. Вся левая сторона тела усохла и странно скукожилась. Воспаленные глаза выпучились, будто от боли.

– Ага, это он, – сказал Зажим.

– Дверь закрой, – велел Карвер, не обращаясь ни к кому конкретно.

Взявшись за дверную ручку, я почувствовал липкий пот на ладони. Я перекрывал себе возможный путь к отступлению, а какой-то глубинный инстинкт твердил мне: «Не делай этого». Я оставил его без внимания. Закрытая дверь приглушила музыку.

– Это он, – настойчиво повторил Зажим. – Еще и врезать хотел.

Карвер молча улыбнулся. Потолочные светильники были направлены в разные стороны. Карвер стоял так, что отбрасывал две четкие тени.

– Ты хотел врезать Зажиму? – переспросил он.

– Нет.

Зажим сплюнул в раковину, будто мой вид вызвал у него противный привкус во рту. Левая рука двигалась неестественно, с некоторой задержкой, как запоздалая мысль.

– Значит, он врет? – спросил Карвер.

– Ну, ошибся просто. Наверное, с ним такое часто бывает.

Зажим сделал шаг ко мне, но передумал. Взял бутылку за горлышко, разбил ее об стену, направил на меня острые края «розочки» и заявил:

– Поговори мне еще.

В луже красного вина поблескивали осколки.

Карвер посмотрел на Зажима:

– Он не нарочно. У него...

– Меня зовут Эйдан, – подсказал я.

Карвер удивленно умолк, затем продолжил:

– У Эйдана хватило ума выгнать всех из комнаты, пока я... – он ухмыльнулся, подбирая слово, – разговаривал с Сарой.

Зажим молчал, побагровев от злости. Казалось, он перебирает в уме все знакомые слова, пытаясь отыскать подходящее. Разбитое горлышко бутылки торчало в кулаке.

– А где Сара Джейн? – спросил я.

Карвер кивнул Зажиму. Тот прошагал через всю кухню, оттолкнул меня плечом и вышел в коридор. В открытую дверь ненадолго ворвалась музыка. Шум внешнего мира. Тревожная, унылая мелодия сопровождала вопли рэпера о том, как он вышел из низов.

Дверь захлопнулась.

Карвер достал телефон, оперся о столешницу и начал просматривать сообщения. Время от времени он прерывался, быстро вбивал ответы и продолжал читать. Прошло несколько минут. На меня он не смотрел.

– Какое тебе дело до Сары Джейн?

Я хотел было ответить, но он тут же спросил:

– Зачем околачиваешься в «Рубике»? Почему сказал Кэт, что был тут раньше?

– Потому что был.

– Да ла-а-адно, – ухмыльнулся он. – До прошлой пятницы тебя здесь ни разу не было. А ты ей наплел, что был.

Я не ответил.

– Тебя давно заметили, Эйдан. – Он по-прежнему просматривал сообщения. – Не только Кэт и не только в «Рубике». В «Хексе» семь раз за две недели. И в «Подвале» тоже. А еще ты засветился на камерах наблюдения в «Уистлстопе».

Мелкие бары Франшизы были разбросаны по всей территории от Динсгейта до северной окраины. Карвер глянул на меня, потом вернулся к своему занятию.

– Загадочный белый парень. Становишься моим люби-

МЫМ клиентом.

– Похоже на то.

– Прикидывайся своим, пока не поверят? Не прокатит, браток. Я специально велел Кэт передать тебе приглашение, если будешь напрашиваться.

– Зачем?

– Ты постоянно ошиваешься в округе. Ты слишком назойлив. – Он пожал плечами. – Вот я и подумал, может, у тебя есть что сказать? Только давай побыстрее, мне еще на кучу сообщений надо ответить.

– Да я на самом деле никто...

– В моем рейтинге копы – хуже, чем никто. Детектив Уэйтс, так ведь? – Он поглядел куда-то за мое плечо.

Я обернулся. Снаружи, у стеклянных дверей веранды, стоял Зажим и курил сигарету. Отбитое горлышко бутылки по-прежнему было у него в руке. Он мне подмигнул. Взгляд обещал боль. У меня между лопаток поползли струйки пота. Животный инстинкт шептал: «Беги». Карвер хохотнул и снова уставился в телефон.

– Да не волнуйся ты так, браток. Читал я газеты. Сюда пускают только тех, кого я знаю.

– Ты меня не знаешь.

– Кража улик? Взятки? Прекрасно знаю. Похож на моих приятелей в полиции. С одной лишь разницей. Тебя оттуда вышвырнули. «Отстранен от работы до окончания расследования», – зачитал он с телефона, прокрутил текст вниз и по-

морщился: – Хреново ты тут выглядишь, Эйдан. – Он прищурился. – Зато без фингала.

– Меня еще не вышвырнули.

– Вопрос времени. У меня и без тебя друзей полно. Некоторые умудряются не вылететь с работы. Так что если у тебя все...

– А что, твои друзья входят в особую группу, которая занимается тобой?

Он впервые задержал на мне взгляд.

– Кто-нибудь из твоих друзей хотя бы слышал про такую?

– Продолжай.

– Про глубоко законспирированную группу, действующую по секретному распоряжению, чтобы выявить коррумпированных сотрудников?

– Какое еще секретное распоряжение?

– Группе даны особые полномочия. Поставлена задача вывести на чистую воду полицейских, которые уничтожают улики и разглашают сведения о спецоперациях.

Карвер ничего не сказал.

– То есть таких типов, которые очень похожи на твоих друзей.

– А что мешает моим друзьям узнать об этой группе?

– Говорю же, она законспирирована. Укомплектована старыми, проверенными кадрами.

– С чего это старперы, которым поручили охотиться за продажными копами, станут интересоваться мной? – усмех-

нулся Карвер.

– С того, что так уж тебе повезло, Зейн. Но тебе ведь каждый день везет. Вот уже десять лет.

Карвер кивнул Зажиму. Тот повернулся и зашагал вглубь сада. Карвер отпил из бокала и подошел к стеклянным дверям.

Он внашал окружающим какой-то животный страх, и не только из-за своего роста. Он двигался, как актер на сцене, постоянно просчитывая обстановку и создаваемый эффект. Низкие потолки, лампы, светильники и телефоны становились декорациями. С их помощью он ловко добивался желаемого впечатления, подчеркивал или затушевывал свое присутствие. Даже речь его менялась в зависимости от того, с кем он говорил. Более того, в общении он неким обескураживающим образом отражал черты собеседника. Холодную немногословность Сары Джейн, сдерживаемую агрессию Зажима... Со мной он стал закрытым и непредсказуемым. Я будто разговаривал со своим отражением в кривом зеркале.

– Такой вот я счастливчик, браток. Что тут скажешь?

– Вот-вот, им тоже интересно, что скажет Зейн Карвер, когда его везению придет конец.

– И почему ты вдруг решил меня предупредить?

Мы оба заговорили вполголоса.

– Я решил тебя предупредить не потому, что я продажный коп. Я не продажный коп. Но, как ты сам сказал, выгляжу я хреново. – Я кивнул на его телефон. – Карьера закончилась

громким скандалом, вот я и прикидываю, что у меня осталось из козырей. Дело важное, в нем замешаны люди с деньгами. К кому мне еще идти?

– Если эта группа такая суперсекретная, почему ты о ней знаешь?

– Потому что из-за нее все и началось.

– Ты был в ней?

Я не ответил, и он попробовал угадать снова.

– А, понял. – Он рассмеялся. – Тебя взяли с поличным?

– В том-то и дело, что нет. Хотя могли бы, чисто случайно.

Как доказать, брал я что-то из улик или не брал? Да никак. А в один прекрасный день мой пропуск на пятый этаж не сработал.

– Кто-то поумнел.

– Нет. Кто-то организовал подставу. Меня отвели в кабинет, допросили. Коп был не из местных, читал по бумажке. Первое, что меня насторожило, – они не хотели, чтобы я знал, кто из наших занимается этим делом. Спрашивали, нет ли у меня денежных затруднений, с кем общаюсь, не пытались ли меня шантажировать. Тут-то и прозвучал второй тревожный звоночек: психологический портрет был составлен заранее. В общем, дело такое... То, в чем меня пытались обвинить, чревато не увольнением, а хорошим сроком. Но когда они поняли, что я не тот, кто им нужен, то по-тихому спровадили меня из управления. А в-третьих, они не хотели шумихи. Вот я и задался вопросом, кто велел меня вычис-

лить, изъять пропуск и замаять дело. И еще: зачем это вообще было нужно?

Карвер убрал телефон в карман и обратил все внимание на меня.

– Судя по всему, я угодил в ловушку, предназначенную для кого-то другого. Важнее меня. И продажнее. Мой арест в Главном управлении спугнул бы их подозреваемого. Итак, меня спланировали подальше, а через несколько дней появились наскоро состряпанные обвинения. Те, про которые ты читал в газете.

– И поэтому ты решил, что есть некая секретная группа?

– Круче: я ее обнаружил. Я знал, что инициатива исходит от кого-то сверху, именно из Главного управления. Несколько дней я наблюдал за теми, кто входит и выходит из здания. Кого-то вычеркивал из списка, кого-то брал на заметку. Потом я увидел Дерек Райта.

– А кто это?

– Раньше был старшим инспектором. Вышел на пенсию еще в марте, но уже октябрь, а он по-прежнему появляется на работе. Потом я засек Редгрейва – еще одного пенсионера. И Тиллмана. Отставные копы шастают в управление через черный ход. Поэтому твои люди ничего и не знают.

– И чем эти старперы занимаются?

– Листают архивные дела, ищут совпадения, реагируют соответственно. А в тех делах, где Зейну Карверу удалось выйти сухим из воды, фигурируют имена одних и тех же де-

тективов. – Я многозначительно помолчал и продолжил: – Им останется только надавить на этих копов, например рассказать им, чьей подстилкой они станут в тюрьме. А потом твои так называемые друзья начнут скармливать тебе ложную информацию, и удача от тебя отвернется.

Карвер задумчиво потер челюсть костяшками пальцев. У меня была точно такая же привычка. Когда он успел переменить этот жест?

– Почему я должен всему этому верить? – спросил он. – Тебя уволили. Тебе сейчас лишь бы бабла срубить...

– Верить или нет – твое право. Но если у тебя есть приятель в полиции, все это легко проверить.

Он смерил меня взглядом:

– Ну, объясняй.

– Пусть понаблюдает за зданием с пяти до шести вечера. Своими глазами увидит, как Райт, Редгрейв и Тиллман выходят из восточного крыла полицейского управления.

– В любой день?

– Как правило, со вторника по пятницу. Райт и Тиллман обычно приходят между восемью и девятью утра. Редгрейв по-разному.

Карвер дал понять, что обдумывает мои слова.

– И что ты хочешь с этого поиметь?

– Где Сара Джейн? – Я подпустил в голос неуверенности. Надо было перевести разговор на личное.

Карвер нахмурился, мол, ты много о себе возомнил. Я не

отвел взгляда. Какое-то время мы стояли не двигаясь. Потом он рассмеялся:

– Думаешь, ее уже в бетон закатали где-нибудь в саду?

– Я тоже читаю газеты.

Улыбка сползла с его лица. Он шагнул ко мне:

– Хочешь поговорить о Джоанне?

Я молчал.

– Ну? – Он толкнул меня, но не то чтобы сердито. Промонстрировал, что может выйти из себя.

– Повторяю, я не из продажных копов. На бизнесмена я буду работать. А вот на убийцу... не знаю.

– Сара Джейн перебесится и вернется. – Он помолчал. – Иногда мне кажется, что Джоанна тоже вернется. Я еще не видел объявления, но рад, что его напечатали. О ней нельзя забывать. Я вот не забыл.

– Что с ней случилось?

Он снова нахмурился. Его телефон завибрировал. Карвер похлопал по карманам, нащупал мобильник.

– Райт, Редгрейв и Тиллман?

Я кивнул.

– Приходи через неделю. Если информация стоящая, я тебя отблагодарю.

Он ответил на звонок, а я направился к выходу.

Неожиданно он громким голосом произнес у меня за спиной:

– Между прочим, это все правда.

Прозвучало искренне, но я не знал, к кому обращается Карвер – к телефонному собеседнику или ко мне.

В тот вечер я больше не видел Карвера. Вскоре музыка смолкла, а народ отключился. Пол усеивали спящие. Я перевел дух и обстоятельно приложился к бутылке Изабель. Народу на лестнице поубавилось, и я решил подняться на второй этаж. С каждым шагом мне становилось спокойнее. Неумный грохот музыки уступил место звону в ушах, живому и бодрящему.

На лестничной площадке я свернул направо, в ароматизированную туалетную комнату. В темноте вырисовался силуэт девушки, сидящей на унитазе. Точнее, на его опущенной крышке. Девушка, полностью одетая, сжимала голову руками, будто только что узнала о беременности. Я включил свет и увидел несчастную Изабель Росситер. Она была в отключке, но дышала.

Я поднял ее, легкую, почти невесомую, и бережно усадил на пол. Потом вымыл два чьих-то стакана, наполнил их водой, подсел к Изабель и стал ее поить. Она то приходила в себя, то снова проваливалась в забытие. Чуть раньше и у меня начало мутиться в глазах, и теперь все вокруг заколыхалось, нечеткое и расплывчатое, а ракурс менялся и съезжал куда-то вниз.

Вино.

«Возвращаю должок, с прошлого раза».

Похоже, какой-то седатив. Рогипнол или ГГБ¹¹. Оставалось надеяться, что выпитое меня не вырубит и я отделаюсь временной расплывчатостью в глазах. Я с трудом поднялся на ноги, почему-то захохотал.

Изабель снова уронила голову в ладони. Выбеленные панковские космы, голые ноги... Она была босиком. Яркий педикюр делал ее совсем юной. Я хотел ее растолкать, но тут заметил, что у нее размотался шарф.

Я запрокинул ей голову.

Шрам на шее оказался на удивление большим. И очень заметным, хотя прошло уже больше года. Два отчетливых рубца, сверху и снизу, соединяла наискось тонкая черта. Очевидно, Изабель воткнула нож себе в шею и зигзагом прорезала ее.

Я свободной петлей подоткнул бахромчатые концы шарфа, аккуратно прикрыв шрам. Потом набросил Изабель на ноги пушистое сухое полотенце, выключил свет и вышел.

Как в тумане, открыл первую попавшуюся дверь, постоял у порога, привыкая к темноте. Большая комната, широкая кровать у дальней стены, спящие парочки на полу. Спотыкаясь, я пробрался к кровати, где кто-то храпел, столкнул его на пол и обессиленно повалился навзничь. Меня трясло. Тело вздрагивало от глубоких, басовых толчков пульса, комната кружилась.

Время металось туда-сюда. Прошел то ли час, то ли

¹¹ Гамма-гидроксibuтират – наркотик, называемый еще «жидким экстази».

несколько минут. Дверь распахнулась. Люди на полу откатились от полосы света. Дверь закрылась, а я притворился, что сплю.

Темнота.

Легкие неуверенные шажки. К кровати шла девушка. Она легла рядом, прильнула ко мне. От нее пахло сигаретами и свежим воздухом. Сквозь юбку чувствовалось разгоряченное тело.

– Привет, – сказала мне на ухо Кэтрин.

Комната вертелась каруселью, а голос Кэтрин звучал сиреной маяка. Наши пальцы сплелись в темноте. Она медленно потянула мою ладонь по своему бедру. Ложбинка между ног была теплой, и я сообразил, что на Кэтрин нет нижнего белья.

– Опять ищешь неприятностей? – Она рассмеялась.

Ее чудесный смех и легкое прерывистое дыхание возбуждали меня. Она растегнула мне брюки, принялась ласкать. Все это казалось воспоминанием. Воспоминанием рассказа о чьей-то чужой истории. Через несколько минут я кончил, и Кэтрин осыпала мне лицо и шею быстрыми поцелуями.

Мне послышалось, что она сказала: «Зейн».

Я лежал в изнеможении, тяжело переводя дух. Попробовал дышать ртом, чтобы не сопеть, но звук не пропал. Сопел кто-то другой, в дальнем конце комнаты. Я провалился в глубокий сон без сновидений.

Потом открыл глаза и резко сел. Сквозь шторы сочился

тусклый дневной свет. Комната кружилась. Опыт подсказывал, что раз она кружится по часовой стрелке, значит скоро станет лучше. Я повернулся на бок. Кровать была пуста. Кэтрин ушла. От подушек веяло ее ароматом. Я нетвердо встал на ноги и вышел из комнаты. В доме слышался какой-то шум, но ни в коридоре, ни на лестнице никого не было. В пустом холле раздался приглушенный голос из-за двери:

– Шелдон Уайт?

В девичьем голосе сквозило что-то знакомое.

Страх.

Можно было заглянуть на голоса, но я не придавал значения сексу на одну ночь. Тогда не придавал. Открыл входную дверь, радуясь, что никого не встретил, и шагнул в ноябрь.

Щурясь на свету, я заметил на крыльце какое-то пятно, похожее на птичий помет. Черное с белым. Еще влажное. Я переступил через него.

15

– Ну и видок у тебя, – сказал Паррс, указывая мне на стул.

Было утро понедельника. Кроме ярко выраженного шотландского акцента, Паррс ничем не привлекал к себе внимания. Этакий незаметный человек в сером. Волосы Паррса преждевременно поседели, а цвет одежды поблек, когда его повысили до суперинтенданта. Его внешность словно бы намекала на глубокую внутреннюю жизнь. Мы сидели в дешевой забегаловке за Оксфорд-роуд. В управление мне ходу не было.

Я подвинул к нему газету на столе.

Паррс раскрыл ее посередине и принялся читать.

Тянулись минуты, а он все сидел и хмуро читал мой рапорт.

Сильно сокращенное изложение событий.

Никаких упоминаний ни о принятых наркотиках, ни о сексе. Ничего конкретного о состоянии Изабель. Наверное, мне хотелось ее как-то защитить. Если честно, я и сам не знал, почему утаил эту информацию. Наверное, не доверял суперинтенданту Паррсу. И министру Дэвиду Росситеру.

Напряжение пятничной вечеринки не отпускало меня до самого понедельника. Гудение ламп дневного света и шум кухонной вытяжки звучали гулом синтезаторов. Паррс закончил читать и посмотрел на меня поверх газеты. Я поймал

себя на том, что вот уже несколько минут стучу ботинком по ножке стула. Вжав указательный палец в страницу, Паррс перечитал что-то в отчете.

– Ну и как тебе Карвер? – недовольно спросил он, будто повторял вопрос уже не в первый раз.

– Колоритный тип. У него точно есть свои люди в полиции. Очень внимательно слушал мой рассказ про секретную операцию.

– Поведется?

– Если его человек несколько раз увидит, как Райт, Редгрейв и Тиллман выходят из управления, то да.

– Кто живет в Фэйрвью?

Я оглянулся на дверь. Мы были единственными посетителями.

– Карвер и Зажим, – ответил я. – Из девушек, похоже, Кэтрин, Сара Джейн и Изабель. Бармен – нет.

– И что там было в пятницу?

– Да все то же самое. Ничего ужасного, но в воздухе витало что-то нехорошее. Какой-то гадкий общий настрой.

– Наверное, из-за того, что в прессе вспомнили про исчезновение бывшей подружки босса. – Паррс довольно улыбнулся. – Удалось выжать из Карвера что-нибудь про Джоанну Гринлоу?

– Думаю, мы задели его за живое. Он рассердился.

– И?..

– Отреагировал не так, как ожидалось. Сказал, что объ-

явление не читал, но рад, что пошла какая-то движуха. Что Джоанну нельзя забывать.

– И что ты об этом думаешь?

– Говорил вроде искренне, но он все время играет на публику.

– Как по-твоему, ему что-нибудь известно?

– Нет, – ответил я, подозревая, что суперинтендант что-то скрывает. – Говорит, иногда ему кажется, что она вернется в Фэйрвью. Что все десять лет ничего о ней не слышал. Так что да, за живое его задело, но... – Я замялся.

– Думаешь, есть еще что-то?

– Может быть, Карверу всегда обо всем докладывают. Поэтому, я привлек к себе внимание, потому что все держатся настороже.

Паррс хмыкнул.

– А еще упомянули некоего Шелдона Уайта и...

Он уставился на меня:

– Кто упомянул?

– Кто-то из девчонок в Фэйрвью.

Паррс закрыл газету с моим рапортом. Потом заговорил, понизив голос:

– Шелдон Уайт – призрак из прошлого, сынок. Некогда главарь бернсайдеров. Только что вышел после семилетней отсидки.

– Понятно.

Его глаза сверкнули.

– Проходил подозреваемым по делу Джоанны Гринлоу. – Паррс фыркнул. – Зашевелились, значит, раз заговорили о Шелдоне Уайте.

– А почему меня о нем не предупредили?

Он словно бы забыл обо мне.

– Ты должен заниматься только Карвером.

– И как мне втереться к нему в доверие, если я не обладаю полной информацией?

Он сердито зыркнул на меня:

– А как хочешь. Иначе я с тобой сделаю все, что захочу. Если ты вдруг передумал, загребу вместе со всей шайкой. – Он снова развернул газету, глянул на рапорт. – Изабель Рос-ситер. Рассказывай подробнее.

Я снова придержал непослушный ботинок.

– Проблемный подросток, не хуже, чем другие семнадцатилетние.

– Семнадцатилетние. – Паррс потер физиономию. – Что она там делает?

– Карвер окружает себя юными девушками. Наверное, со временем она станет курьером, будет собирать деньги в барах, как остальные. Выглядит подходяще.

– Внешность обманчива, сынок. Психически уравновешенна?

– Уравновешеннее, чем я в ее возрасте.

– Сравнение с тобой не вселяет в меня уверенности.

– Я видел шрам у нее на шее. Что бы там ни случилось,

это был не просто крик о помощи.

Паррс равнодушно хмыкнул:

– Когда ты снова туда пойдешь?

Он жаждал сведений. Готов был немедленно отвезти меня в Фэйрвью.

– Карвер пригласил меня на следующую вечеринку.

– Вот как. – Паррс улыбнулся. – Дружба по пятницам, значит.

Когда он улыбался, морщины у глаз собирались акульими жабрами.

– Тогда и узнаем, что его человек выяснил про секретную операцию.

Паррс кивнул, потом многозначительно посмотрел на меня:

– Ты, главное, не увлекайся Изабель Росситер. Пусть мадам суперинтендантша тычет своими сиськами куда пожелает, но я не допущу, чтобы мое расследование сорвалось из-за какой-то шлюшки. Твое дело – Франшиза.

«Не увлекайся Изабель Росситер».

– Сэр, – ответил я.

– И скажи мне еще кое-что. Только честно.

Я посмотрел ему в глаза и кивнул.

– Наркоту употребляешь, сынок?

Я снова перестал барабанить ногой по стулу.

– Нет.

Встал и ушел, не дождавшись, когда у нас примут заказ.

Проверив, закрыта ли дверца кабинки, я выложил дорожку на тыльной стороне ладони. Был вечер среды. Как и на прошлой неделе, я обошел пабы Франшизы, отмечая про себя, кого и где видел. Потом заглянул в «Подвал» – небольшой бар с липкими полами и полным отсутствием дневного света.

Я вышел из мужского туалета. Горло жгло, вокруг резко пахло спидами. Все двигалось быстрее, а может, это я остолбенел при виде Сары Джейн. Ярко-рыжие волосы, сногсшибательное платье. Сегодня – ее смена. В «Рубике» я ее ни разу не видел. Похоже, она работала в маленьких пригородных барах.

– Привет, – поздоровался я, когда она отвернулась от бармена.

Мельком скользнув по мне взглядом, она прошествовала через зал к выходу. Она бы и так проигнорировала меня, но я надеялся по ее реакции узнать, поделился ли Карвер с ней информацией, которую я ему скормил.

О секретной группе.

Райт, Редгрейв и Тиллман исправно входили и выходили из управления. Продажному копу оставалось только наблюдать и соотнести увиденное с моим рассказом. Что ж, в пятницу станет понятно. На следующей тусовке. Если мне пове-

рили, можно будет готовить почву для заключительного этапа операции.

Переломный момент. Я охотился за Франшизой с меньшим энтузиазмом, чем Паррс, но все-таки понимал, чем привлекательно это дело. Исчезновение Джоанны Гринлоу десять лет назад. Империя Зейна Карвера. Его бары, его девочки. Его сирены. Изабель Росситер, соблазненная гламуром Франшизы. А теперь еще и Шелдон Уайт. Отголоски старой вражды.

Если бы все сложилось удачно, то подозреваемых арестовали бы через неделю, а я вернулся бы к прежней жизни, к запятнанному имени и всему прочему. Зейн Карвер сидел бы в тюрьме, бары позакрывали бы, а девушки рассеялись. Неизвестно, что бы сделала Изабель.

Я постоянно вспоминаю тот миг, после которого все пошло под откос. Сложись все удачнее, я бы избежал массы неприятностей и боли. Может, даже спас бы кому-нибудь жизнь.

Я выпил пива, чтобы унять боль в горле. Спицы делали меня всепроникающим и неуязвимым. Я витал повсюду, приводил в движение сотни составных частей. Люди были далекими, как немигающие освещенные окна высотки.

Я провел несколько дней без Франшизы, чувствуя себя обездоленным. Некая сила тянула меня в Фэйрвью. Наконец наступила пятница, и я снова направился к дому Карвера. Быстро и решительно прошел мимо юнцов, пытающихся попасть на вечеринку. Мимо зевак, привлеченных грохотом музыки. Я не знал, что меня ждет. Шансы на успех и на провал были одинаковыми.

Сара Джейн открыла дверь и отступила, не глядя на меня. За ее обнаженным плечом коридор наполнился жаром, людьми и жизнью. Яркие вспышки мерцали в ритме басов. Я вошел в дом, и Сара Джейн захлопнула дверь перед носом парочки, которая хотела проскользнуть внутрь вместе со мной.

– Привет... – начал я, перекивая шум.

– Он хочет тебя видеть, – оборвала она меня.

В толпе я заметил Кэтрин. Длинные каштановые волосы на фоне ярко освещенной стены. Я вспомнил нашу ночь. Не верилось, что все случилось в действительности. Вытесненная толпой на левую сторону коридора, Кэтрин разговаривала с каким-то мужчиной. Вспышки то выхватывали ее из темноты, то скрывали во мраке. Она увидела меня и удивленно распахнула глаза.

– Эй! – Сара Джейн прищелкнула пальцами перед моим носом.

– Веди.

Я направился следом за ней, с трудом проталкиваясь сквозь толпу. Слишком много народу на таком пятачке. Перед Сарой Джейн расступались, будто перед царственной особой, и снова смыкали ряды. Вспышки света превращали все в замедленную съемку, движения выглядели серией застывших кадров. Я оглянулся, поискал глазами Кэтрин. Ее собеседник оживленно говорил, но смотрела она на меня. Будто пыталась мне что-то сказать.

– Разуй глаза, – буркнул Зажим, больно толкнув меня в плечо.

Я уставился на него. Он дал мне щелбан и ухмыльнулся. От ухмылки кожа нижней губы треснула, капля крови скатилась по подбородку. Зажим снова щелкнул меня по лбу. Боясь потерять Сару Джейн из виду, я проигнорировал его и стал протискиваться к кухне. Сара Джейн открыла дверь и вошла, не глядя, следуя ли я за ней. От тепла разгоряченных тел меня бросило в пот, но на Сару Джейн, похоже, не действовали ни жар, ни духота.

У двери Изабель Росситер, все в том же бахромчатом шарфе и панковском прикиде, разглядывала свои старые обшарпанные «мартенсы». Увидев, как я иду следом за Сарой Джейн, Изабель крикнула сквозь музыку:

– Ты же говорил, что не знаешь ее.

Я прошел мимо Изабель на кухню, закрыл за собой дверь. Лампы светили приглушенным ровным светом, музыки бы-

ло почти не слышно. Зейн Карвер, в той же позе, что и неделю назад, просматривал сообщения в телефоне. Рядом с ним стояла бутылка дорогого пойла и два бокала. Он дочитал сообщение и посмотрел на Сару Джейн.

– Оставь нас на минутку, солнышко. – Он снова уткнулся в телефон.

Сара окинула его презрительной улыбкой, отвернулась и вышла, хлопнув дверью.

– Жива-здоровая, как видишь, – произнес Карвер.

– Она знает?

– Не от меня. А что?

– Она как-то прохладно меня встретила.

– Значит, правильно себя ведешь. Прохладно – гораздо теплее обычного. – Он принялся набирать сообщение. – «Хеннеси»? – наконец предложил он, кивая на бутылку.

– Не откажусь.

Он отложил телефон, откупорил бутылку, щедро налил коньяка в бокалы и протянул мне один. Бокал идеально лег в ладонь.

Карвер поднял бокал:

– За новых друзей.

Мы оба улыбнулись и чокнулись. Я впервые пробовал коньяк этой марки. Он был великолепен. От хорошей выпивки теплеет на душе, будто внутри вспыхивает давно угасший огонь.

Карвер посмотрел на меня:

– Райт, Редгрейв и Тиллман. На этой неделе все они побывали в управлении.

– Ну и что твой человек об этом думает?

– Поэтому я тебя и позвал, Эйдан. Мой человек аккуратно навел справки, – сказал Карвер, копируя манеру произношения своего осведомителя; я не распознал, кого именно. – Он знаком с кем-то из секретарш на шестом этаже. Этой троице выделили в постоянное пользование комнату... Комнату шестьсот двадцать один. Не известно, по чьему распоряжению. Якобы там заседает какая-то комиссия, обсуждают мемориал на Парк-роуд.

– Три солидных сотрудника из криминального отдела выбирают памятник для военного мемориала...

– Вот именно, – улыбнулся Карвер. – Для такого нужно как минимум пятеро. Своему человеку я ничего подробно не рассказывал, но он и сам сообразил, что к чему. И тоже склоняется к мысли, что это секретная группа.

– Значит, есть из-за чего волноваться?

Карвер взял телефон, который непрерывно вибрировал, и снова принялся просматривать сообщения. Давал понять, что я свое дело сделал.

– Я обещал отблагодарить, так что называй цену. Кстати, коньяк для тебя.

– Ну, тогда... – Я взял бутылку, осмотрел ее и щедро наполнил бокалы. – Десять?

– Закатай губу, дружок. Вторая попытка.

Я сделал глоток. По телу разлилось теплое сияние.

– Семь.

– Пять. – Карвер улыбнулся. – Зажиму скажи.

– Кажется, я ему не понравился.

– Ему никто не нравится. Тебе это что, мешает?

– Нет, если он не будет усложнять мне жизнь.

– Не будет, – заверил меня Карвер, просматривая сообщения. – Он в курсе.

Когда он допечатал очередной ответ, я спросил:

– И что дальше?

– Тебе лучше не знать, – поморщился Карвер.

Судя по всему, уклончивое замечание должно было подтолкнуть меня к попытке срубить еще денег за какие-нибудь новые сведения.

Мой ход.

– У меня есть еще кое-что.

– Например?

– Подробности о деятельности секретной группы. Эта информация потянет больше чем на пять кусков.

– Выкладывай.

– Знаешь, почему группа работает в Главном управлении?

Карвер пожал плечами.

– Чтобы иметь доступ к материалам дел, – сказал я.

– Сейчас ничего не хранят в бумажном виде.

– Они же не просто так сидят в управлении. И конкретно в этом кабинете, куда больше никого не пускают. Они не поль-

зуются полицейскими базами данных или сетевыми дисками. Иначе их работу давно бы заметили.

– Ну и что?

– Скорее всего, все материалы на тебя, на меня и на твоего человека хранятся в этом кабинете. Возможно, на отдельном жестком диске.

Карвер отложил телефон и внимательно слушал.

– Информацию на диске надо стереть.

– И как это сделать?

– Прежде чем прийти к тебе, я две недели наблюдал за зданием. Райт, Редгрейв и Тиллман не приходят по понедельникам. Твой человек дежурил на прошлой неделе. Он их видел?

Подумав, Карвер ответил:

– В понедельник – нет.

– Твоему человеку нужно проникнуть в эту комнату.

– Что, вот так просто?

– Они прячутся у всех на виду. Нам известно, где именно. Известно, когда там никого не бывает. И никакой охраны, только замок на двери. Сигнализацию не поставили, чтобы не привлекать лишнего внимания. Хотя и без того никому нет дела до какой-то комиссии по утверждению Памятника. Вдобавок кабинет на шестом этаже.

Карвер явно заинтересовался.

– Твой человек мог бы наведаться туда в понедельник, – предложил я.

– Хм.

– Может, у него с ходу получится. А если нет, попробует через неделю.

Карвер посмотрел на меня:

– Возможно, это и стоит больше пяти.

Мы еще немного поболтали, допили налитый коньяк.

Карвер говорил уклончиво, но в целом оживленно. Он вы- проводил меня из кухни, заставив прихватить остатки ко- ньяка. Внезапно ко мне потянулись люди. Подковылял За- жим, весь в поту, странно напряженный, что-то буркнул и вручил пакет. Я кивнул, и Зажим прошаркал обратно в тол- пу. В пакете были деньги. Пять аккуратных пачек из пяти- десятифунтовых банкнот. Я не без труда распихал деньги по внутренним карманам куртки.

Изабель нигде не было. Может быть, она и Сара Джейн не ладят между собой? Изабель расстроилась, увидев меня с Сарой Джейн. А еще меня настораживало безразличие су- перинтенданта. «Не увлекайся Изабель Росситер». Ее отец озаботился отсутствием дочери только через месяц. Нельзя допустить, чтобы она исчезла.

– Празднуешь? – Кэтрин кивнула на бутылку.

– Каждый день. – Я отдал ей коньяк.

Кэтрин улыбнулась. Я уже забыл, как улыбаются по-на- стоящему. Улыбка осветила ее глаза, однако в этом доме на- стоящему не было места. Да и в наших отношениях тоже. Кэтрин сделала глоток, поморщилась и вернула коньяк мне.

– Шикуюешь. Разбогател, что ли?

Я подумал про деньги в карманах.

– А как еще развлекаться бедному человеку?

Она снова улыбнулась:

– Мало ли...

– Могу к тебе поприсесть.

– И как бы случайно пролить мою выпивку.

– Ох, прости еще раз.

– Да ладно. Зато я от Нила отделалась.

– А кто такой Нил?

– Бармен в «Рубике». Он считает меня своей собственностью. Цепляется ко всем девчонкам.

– Как это?

– Ну, липнет.

– А, такой небритый тип?

– Ага, вроде как всю ночь не спал, преступников ловил.

Я рассмеялся.

Нил.

Значит, Глен Смитсон, мерзавец, избежавший правосудия, назвался другим именем. Полезная информация.

– Обычно мужчины с нами не заговаривают, – пояснила Кэтрин. – Боятся.

– Рад это слышать.

– Правда? А признавайся, зачем ты мою выпивку пролил?

– Хотел познакомиться.

– Со мной? Не с Зейном?

– Сначала с тобой, – ответил я и понял, что говорю правду. Она положила ладонь мне на грудь и заглянула в глаза.

– Что ж, попробуй ко мне поприставать, – с вызовом бросила она.

– Всегда готов.

Мы выпили еще. Потусили с толпой. Сами не заметили, как снова очутились наверху. Я целовал ее, и мне чудилось, что все вот-вот изменится. Моя душа, мое тело. Моя жизнь. Мы отстранились друг от друга. Я так и остался собой. Прежним. Это было терпимо. Ведь Кэтрин была со мной. Увидев, как я на нее смотрю, Кэтрин засмеялась и шутливо стукнула меня в грудь. Мы снова начали целоваться.

Ушел я примерно через час. Закрывая входную дверь, вляпался во что-то влажное. Пальцы были перемазаны чем-то черно-белым, как птичий помет. Неделей раньше такое же пятно красовалось на крыльце. Птиц поблизости не было. Я понюхал пальцы. Пахло краской. Я сорвал лист с дерева у дороги и вытер руку.

В Северный квартал я вернулся за полночь. Все вокруг приобрело приятную размытость. Я выпил воды, принял две таблетки обезболивающего и собрался поспать. На телефоне высветилось сообщение. С незнакомого номера. Всего два слова: «ЗЕЙН ЗНАЕТ».

Утром я встал рано. Стоя под душем, увидел засохшие потеки черной и белой краски на ладони. Вспомнил о птичьем помете на крыльце Карвера неделю назад. Потом об исчезновении Джоанны Гринлоу.

«Ее крыльцо было заляпано краской – черной и белой».

Я взял телефон. Надо было поговорить со знающим человеком. Из моих знакомцев в этом хорошо разобрался только один. Я со вздохом набрал номер Сатти. После ареста женщины в чадре мы с Сатти больше не виделись. Как и все остальные, он считал, что меня поймали на хищении наркотиков из хранилища для улик и отстранили от службы. Если он по-прежнему дежурил по ночам, то сейчас, наверное, отсыпался.

– Алло, – хрипло буркнул он в трубку.

– Сатти.

– Угу.

– Это Уэйтс.

– Уэйтс? – С него тут же слетел сон. – Какого хрена?

– Мне нужна помощь...

– Фиг тебе, а не помощь. Совсем обнаглел!

– Да-да, знаю.

– Мне с тобой даже разговаривать нельзя. Если дело дойдет до суда, я дам показания против тебя. С радостью.

- Слушай, я бы не стал звонить, но дело очень срочное...
- У меня денег ни фига нет и времени тоже, так что...
- Это не про деньги. Про метки преступных группировок.

Он ничего не сказал, но явно заинтересовался.

- Ты единственный, кто знает про них все.
- А зачем тебе?
- Частная работенка. В охране.
- За нее платят?
- Сотню фунтов в час.

Он презрительно фыркнул.

- Хорошо, двести. Больше дать не могу.

Он сглотнул, раздумывая.

- Где?
- В городе? В «Темпле»?

Бар «Темпл», перестроенный из подземного общественного туалета, принадлежал бывшему солисту популярной местной группы. Бар был нарочито запущенным, с приемлемыми ценами. Любимый бар Сатти.

- Бабло не забудь, – сказал Сатти и повесил трубку.

Я спустился в «Темпл». Глаза привыкали к темноте. Места в баре было мало, но зато в нем стоял лучший в городе музыкальный автомат. Сегодня он играл «Exile on Main Street»¹². Сатти с пинтой «Гиннеса» сидел за барной стойкой. Увидев меня, он опустошил стакан и грохнул им по столешнице.

– Еще два пива, – велел он барменше. – Он платит.

Я сел, заплатил за пиво и отпил глоток.

– Привет.

– Гони бабло, – сказал Сатти, почесываясь.

Я отдал ему деньги. Четыре пятидесятифунтовые банкноты из пяти штук, полученных от Карвера.

Сатти пересчитал их дважды.

– Ну, выкладывай, что там у тебя...

– Джоанна Гринлоу, – сказал я.

– И как это связано с частной охраной?

– Да так, для общего развития. В полицейских рапортах говорится, что крыльцо ее дома было чем-то заляпано.

– Краской, черной и белой. – Он фыркнул. – Старая метка бернсайдеров.

– Значит...

¹² «Изгнанник на Мейн-стрит» (англ.) – студийный альбом *The Rolling Stones* (1972).

– Мало ли кто пометил крыльцо! Сначала это сочли за цепкой, но по одному пятну краски дело не распутаешь.

– Что ты знаешь о бернсайдерах?

– Да все. – Он пожал плечами. – В районе Бернсайд были заводы. Пару миль на север от города, вдоль реки Эруэлл. – Он отпил пива и продолжил уже значительно добродушнее: – Промзона примыкала к реке, так что товары отправляли и доставляли по воде. Все закрылось в восьмидесятых, когда производство переместили за границу. А весь район превратился в помойку.

– Я там никогда не был.

– Ничего не потерял. Заброшенные склады. Наркоманы, шлюхи, бомжи.

– А сами бернсайдеры?

– Их мало осталось. В основном толкают чернягу.

– Чернягу?

– Угу. Гонят ее из фентанила. Действует в сотни раз сильнее морфина. Дешевое производство, доступная цена. – Он усмехнулся. – Зубодробительные приходы, но сильный риск заражения. Ампутации. И так далее.

– А краска...

– Больше не в ходу. Это так, метили территорию при разборках. А теперь никакой территории у них нет.

– Почему?

Он смерил меня взглядом:

– А тебе зачем?

– Человек, на которого я работаю, уже несколько раз видел на крыльце пятна краски. Вот я и вспомнил... – Помолчав, я продолжил: – Решил стрясти с него деньжат и тебе отдать. В качестве извинения...

Он фыркнул.

– У него на крыльце скорее дорожники «зебру» нарисуют, чем бернсайдеры метку оставят. С ними покончено. Их лавочку прикрыли и, похоже, навсегда.

– И кто же с ними так?

– Зейн Карвер. Начал играть по-крупному лет десять назад. До большой крови не дошло, но даже наркоманам стало понятно, кто здесь главный. «Восьмерка» чище черняги и по цене нормальная. К тому же за долги Карвер никого не режет. Он вроде как облагородил сбыт наркоты. Бернсайдеры – вчерашний день. И метка их тоже.

Я глотнул пива, обдумал услышанное. То, что метка устарела, не отменяло ее значения. Возможно, ее использовали, чтобы напомнить о былой славе? Однако на разборки между бандами это не похоже. Не было ни угроз, ни насилия. Это что-то личное. Связанное с исчезновением Джоанны Гринлоу.

– Ну и заодно, раз уж мы тут беседуем... – Сатти выудил из кармана конверт. – Доставили в участок, на твое имя. Пришлось вскрыть, сам понимаешь.

Я взял конверт. Достал из него листок бумаги. Он был слегка помят – письмо разворачивали, читали и передавали

из рук в руки. Я посмотрел на подпись. Попытался скрыть удивление. Потом сложил письмо и убрал конверт в карман.

– Нестыковочка какая-то, – фыркнул Сатти и улыбнулся. – Ты ж рассказывал, что рос в детдоме.

– Имя Шелдон Уайт тебе что-нибудь говорит? – спросил я, меняя тему.

Он снова пристально посмотрел на меня:

– Ну да. Только... он ведь сидит.

– Недавно вышел.

– Да ну? – Сатти задумался. – Тогда забудь, что я говорил.

Возможно, с бернсайдерами все не так просто.

Я пришел домой. Повесил куртку. Письмо так и осталось в кармане.

Первым моим проколом было прошлое. То, кем я был и где родился. Мне нравилось взрослеть, потому что детство с каждой секундой отдалялось. Вроде бы. Позже, когда меня заграбастал Паррс, я уяснил, что от прошлого никуда не деться. Оно – предыстория дурацкой шутки, которая становится ясна лишь в третьем акте.

Матери мы были не нужны.

Это я всегда скрывал, хотя, наверное, и не следовало. А со временем напрочь забыл. Сейчас я почти не помню детства. Некоторые способны с дотошностью следователя описать свои юные годы. Некоторые рассказывают забавные случаи о детских проказах. Для меня детство осталось в какой-то прошлой жизни. Чем дальше, тем лучше. О забытых подробностях жалеешь не только ты сам, но и другие. Больно видеть, как с лица приятеля сползает улыбка, потому что ты забыл какое-то совместное приключение.

Я начал забывать младшую сестру.

Перед глазами отчетливо встает ее образ, но я уже не уверен в том, насколько он точен. Я помню ее пухлощечкой, чумазой малышкой. По вечно замаранному платью и сползшим гольфам можно было судить о ее характере. Неугомонная

искательница приключений, смело глядящая на мир широко распахнутыми глазами. Очень спокойная для своего возраста. Этаким маленький мыслитель. У нее всегда был горячий лобик. Я грел об него ладони, а она, не поднимая головы, продолжала увлеченно собирать или разбирать какую-нибудь игрушку. Помню ее кудряшки, сосредоточенную гримаску.

Еще помню, как она вздрагивала, когда по детдому начинали сновать взрослые. Иногда мне это вспоминается, и я натываюсь на двери. Замираю посередине дороги. Или стою под душем, ни о чем не думая, а потом вдруг уже сижу, закрыв лицо руками. Я не мог смотреть на письмо. Мой первый прокол. Мое прошлое. То, кем я был и где родился.

Я позвонил суперинтенданту Паррсу:

– Сработало.

– Понедельник?

– Комната шестьсот двадцать один. Скорее всего, нужный нам субъект разведает обстановку на этой неделе и, если все будет чисто, наведается туда в следующий понедельник.

– Прослежу. Отлично, сынок. Есть еще о чем доложить?

Я вспомнил холодное пренебрежение Сары Джейн. Обиду Изабель. Ее исчезновение с вечеринки. Кровавый оскал Зажима и искреннюю улыбку Кэтрин. «Я думал, что все вот-вот изменится». Вспомнил разговор с Сатти. Краску. Деньги. Пять штук наличными. У меня никогда столько не было. Я отнес деньги в камеру хранения, к вещам из прежней жизни. Пусть там лежат, пока я исполняю задание. Сообщение с незнакомого номера. «Зейн знает».

– Нет, больше ничего, – ответил я.

II

Сущность¹³

1

Суббота. Кабинку туалета заливал ультрафиолетовый свет. Так устроено освещение во всех центральных клубах, чтобы наркоманы не видели вены на руках. «Рубик» не был исключением. Иногда торчки еще на улице наносят на кожу крестик шариковой ручкой, идут в туалет и втыкают иглу в помеченное место. Потом сидят с остекленелым взглядом, а крестики в сгибе локтя напоминают кроваво-красные поцелуйчики на поздравительной открытке.

Я запер дверцу и встал на унитаз. Принесенной с собой отверткой аккуратно скрутил болты с плафона и снял его с потолка. Я несколько недель наблюдал за барменом. В баре была целая команда уборщиц, но Смитсон всегда надолго застревал в туалете. Я просунул руку в отверстие на потолке и пошарил там.

Пакеты.

В первом был кокаин. Еще в одном – три вида таблеток,

¹³ «Substance» (1988) – компиляция синглов группы *Joy Division*, не вошедших в студийные альбомы.

а в полиэтиленовом пакетике со струнной застежкой – крохотные, готовые к употреблению дозы «восьмерки». Я вернул почти все наркотики на место, прикрутил плафон и слез с унитаза.

Потом выложил кокаиновую дорожку на тыльной стороне ладони. Рука задрожала до кончиков пальцев. Я зажмурился, глубоко вдохнул носом и напряженно замер, пытаюсь вернуть контроль над телом. Потом открыл глаза и уставился на граффити над бачком: «Забудь эту ночь»¹⁴.

С минуту я рассматривал надпись, потом аккуратно ссыпал кокаин в пакетик.

Я спустил воду, отпер дверцу кабинки и вышел из туалета. Бар просыпался. Унылые часы сменились счастливыми. К дневным посетителям прибавились те, кто шел с работы, встречался с друзьями. Кэтрин делала заказ в баре – как обычно, водку безо льда. Каштановые волосы рассыпались по плечам. Сердца всех мужчин в баре забились чаще.

С ней была Изабель Росситер.

Я впервые видел их вместе. Может, Кэтрин – та самая подруга, которая привела Изабель во Франшизу? Хотелось думать, что нет. Внезапно я сообразил, что из-за меня Кэтрин наверняка попадет в тюрьму. Я отодвинул бокал с пивом, чтобы не видеть в нем собственное отражение. Изабель, тебя шарф на шее, робко флиртовала с амбалистым барме-

¹⁴ «Forget the Night Ahead» – второй студийный альбом шотландской инди-рок-группы *The Twilight Sad* (2009).

ном. Мне тут же вспомнился газетный заголовок:

СМИТСОН ОПРАВДАН.

Бармен что-то сказал. Кэтрин посмотрела на него. Они оживленно заспорили. Кэтрин заслонила собой Изабель и произнесла:

– Нет уж, хватит.

Изабель о чем-то договорилась с барменом и стала ее успокаивать. Кэтрин направилась к столику в углу. Бармен что-то сказал своей напарнице, обошел барную стойку и вышел на улицу. Немного погодя Изабель последовала за ним. Мужчины за столиками прилипали к ней взглядами так, что глаза едва не выскакивали из орбит. Я думал, что Кэтрин выйдет следом, но она осталась.

Барменша, веселая светловолосая австралийка студенческого возраста, обслуживала сразу троих.

– Четверную порцию водки, пожалуйста.

– Не положено.

– А ей положено? – Я указал на Кэтрин.

Барменша посмотрела на нее, потом улыбнулась:

– Она – особый клиент, дружок. А ты – нет.

– Тогда «Джеймсон» с содовой. – Я оставил ей чаевые за остроумие, отпил глоток и отошел от бара.

Убедился, что попал в поле зрения Кэтрин, уселся за столик неподалеку, спиной к ней, и задумался, что делать дальше. Позади скрипнул стул, по деревянному полу застучали каблучки. Левая рука у меня опять задрожала, и я пожалел,

что ничем не закинулся.

– Эйдан, – сказала Кэтрин.

Я посмотрел на нее.

Черные замшевые сапожки на каблуках, кожаная юбка в обтяжку, топ с глубоким вырезом. Каштановые волосы, распущенные по плечам. Я знал эту девушку всего несколько недель. Наши взгляды встретились. Это было похоже на чудо.

– Кэт.

Она улыбнулась:

– Все еще в поисках фингала?

– С каждым днем все ближе к цели. Садись ко мне.

Она переставила свою водку на мой столик, села напротив меня и спросила:

– И от кого же ты рассчитываешь схлопотать?

– Думал, Карвер меня ударит, но нет, не обломилось.

– Случай еще подвернется, не сомневайся.

Ее явно расстроило то, что произошло между Изабель и барменом, поэтому разговор не клеился.

– Что ты вообще о нем думаешь?

– О Зейне? Он устраивает классные вечеринки.

– И все?

– Я не так долго с ним общался.

– Он с тобой поговорил. Уж поверь, такого не многие удастаиваются...

– А ты что о нем думаешь?

Она не ответила. Не позволила сменить тему.

– Почему ты все время тут ошиваешься, Эйдан?

Мы дважды переспали, и она вдруг спохватилась, что ничего обо мне не знает.

– Ищу работу. Об этом я и разговаривал с Зейном в пятницу.

– Хочешь быть одной из его девушек, что ли?

– А ты считаешь себя его девушкой?

– Нет, я не столь высокого мнения о себе. – Она помолчала. – Но я никому не позволяю собой распоряжаться.

– Даже тем, кто тебе платит?

– Даже тем, кто меня трахает.

Где-то справа барменша уронила поднос с бокалами. Раздался грохот бьющегося стекла, посетители за столиками заулюлюкали.

– Терпеть не могу, когда так делают, – сказал я.

– Роняют посуду?

– Заостряют внимание на ошибке.

– На ошибке?

– Я говорил не о...

– Ладно. – Она сжала мне пальцы. – Я дала тебе шанс объясниться, но ты сменил тему. Впрочем, уже не важно. – Она взяла свои вещи и встала. – Спокойной ночи, Эйдан.

Девушки обычно улыбаются мне скупно, будто берегут настоящие улыбки для других, но Кэтрин была не такая.

Она всегда улыбалась искренне. А я ей всегда лгал.

Я тоже встал, но она уже шла к двери, постукивая кабелями. Потом обернулась:

– Остаешься?

– Да, пожалуй, – сказал я, надеясь, что она вернется за столик.

– Передай моей подруге, что я сегодня уже не приду.

– Молоденькой блондинке?

Она кивнула.

– Да, ей. Знаешь, лучше тебе искать работу в другом месте. Может, тогда больше повезет? – Она повернулась и ушла.

Редкий случай, когда она пыталась со мной поговорить. Надо было сказать ей что-то другое. Приятное.

Часом позже Изабель Росситер в чуть задранной юбке прошла через бар в женский туалет. Бармен вернулся пятью минутами раньше и теперь, как и остальные мужчины в зале, тарасился на нее. Изабель вышла из туалета, робко огляделась и пристроилась у другой барной стойки, которую не обслуживал ее новый приятель.

Похоже, сделав свое дело, он велел ей не отвечивать.

Барменша принимала заказы других посетителей, намеренно избегая обслуживать несовершеннолетних. Несколько минут Изабель неловко жалась на стуле, потом встала и отрешенно пошла вдоль стойки. Вытерла нос, достала телефон и сделала вид, будто читает сообщения. В зале было прохладно, но лицо Изабель блестело от пота. Она явно была под

кайфом.

Завидев ее, бармен прервал оживленную беседу с посетителем, демонстративно заявил, что где-то подтекает, и ушел в подсобку. Изабель напоминала ребенка, который потерялся в супермаркете.

Собеседник бармена повернул к ней багровое, одутловатое от выпивки лицо инфарктника. Словно бы невзначай свесил левую руку с барной стойки, коснулся бедра Изабель. Она вскинула на него взгляд. Инфарктник приложил ладонь ей к уху и что-то сказал. Ей семнадцать. Ему под шестьдесят. Изабель удивленно сморщила лоб, отступила на шаг и покачала головой. Потом скупно улыбнулась, словно говоря: «Нет, спасибо».

«Ничего, перебесится», – подумал я.

В юности я тоже считал, что секс и деньги – половина успеха. Медленными скользящими шагами Изабель направилась к выходу. Краснорожий протянул руку и задрал ей подол. Посетители одобрительно загикали. Изабель одернула юбку и пошла дальше.

Я снова уставился на свое кривое отражение в бокале. Потом неторопливо встал из-за стола, нарочно медлил, надеялся, что Изабель уйдет. Но нет, она стояла на тротуаре и смотрела, как парок от ее дыхания тает в воздухе.

– Изабель! – окликнул я.

Она обернулась. Заготовленная улыбка не сходила с губ, хотя по глазам было понятно, что она меня не помнит. Рука

потянулась к сумочке.

– Мы встречались у Зейна.

– А, астролог, – просияла она и шагнула ко мне. – Что ты тут делаешь?

– Да так, выпить зашел. Хорошо, что тебя застал.

Ее лицо недоуменно вытянулось.

– Кэт просила передать, что сегодня уже не придет.

– А-а, – обиженно протянула она. – А куда пошла, сказала?

– Нет. Ее что-то расстроило.

Изабель скорчила рожицу, пряча смущение. Мне не хотелось ее принуждать, но надо было поговорить.

– Мой друг тоже ушел, а я бы еще выпил. Пойдем, я угощаю...

После секундного раздумья она вошла в бар. Притворилась, что она – это кто-то другой.

Мы ушли с танцпола. Нас обоих все еще потряхивало. Я угощал. Изабель отрывисто хохотала, раскачиваясь всем телом и прикрывая рот руками. Вспышки высвечивали сколотый ярко-оранжевый лак на ногтях и помаду в тон. Изабель то и дело посматривала мне за плечо, искала кого-то взглядом.

Мы без помех заняли угловой столик, за которым чуть раньше сидела Кэтрин. Пришло время последних заказов. Почти все были на ногах: кто танцевал, кто толпился у стойки бара. Водка Кэт до сих пор стояла на столике. Многие посетители уже подыскали себе спутников на ночь. Изабель, откинувшись на спинку стула, разглядывала уходящие парочки. Одни держались за руки, другие с непроницаемыми лицами шли бок о бок.

– Интересно, кто из них только что познакомился, а кто уже давно пара? – спросила Изабель, перекрикивая музыку.

– Только что познакомились те, которые не могут оторваться друг от друга. Давно встречаются те, которые идут молча.

– Как Зейн и Сара? – нарочито небрежным тоном спросила она.

Я посмотрел на нее. Она дрожала всем телом и отчаянно пыталась это скрыть. Какую хрень она приняла? Ту, что до-

сталась мне в Фэйрвью?

– Иззи, а где ты взяла вино, которым угощала меня в пятницу?

Она задумалась.

– Не помню. Может, Нил дал.

Бармен явно что-то подмешал ей в выпивку. Предугадав мой следующий вопрос, она решила сменить тему и демонстративно достала сигарету, будто никакого запрета на курение не существовало. Я придержал трясущееся запястье Изабель, помог ей прикурить. Она затянулась и выдохнула дым мне в лицо.

– Тебе Зейн не нравится? – спросила она.

– Не очень.

– Почему?

– Злоупотребляет.

Она удивленно наморщила лоб.

– Не наркотой, а людским доверием, – пояснил я.

– Как будто ты этого не делаешь.

Я хотел улыбнуться, но в устах юной девушки эти слова казались констатацией факта. Чем-то вроде четкого рентгеновского снимка.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.